

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИНЦИПА НАБЛЮДАЕМОСТИ
И НАГЛЯДНОСТИ

Проблема наглядности в общегносеологическом плане выступает как проблема соотношения абстрактно-логического, теоретического, понятийного аппарата науки и чувственных, эмпирических моментов в ней. Наглядность представляет собой важный гносеологический компонент каждой научной теории, в частности она является одной из методологических проблем современной физики, так как практически в каждый период ее развития выражено отношение к этой проблеме. Поэтому она приобрела общепризнанное значение в науке. П. В. Копнин подчеркивал, что изменение взгляда на ценность и роль наглядного образа является одной из основных особенностей современного научного познания [см.: 2, с. 29]. Одна из функций наглядного образа в науке состоит в том, чтобы представлять более четко и зримо открытые познанием закономерности, делать их более привычными, содержательными и достоверными. Основная роль наглядных образов в построении современных теорий заключается не только в выработке содержательных научных понятий и эмпирической интерпретации математических уравнений, в которых выражаются, скажем, физические закономерности, но и в том, что они способствуют их более глубокому пониманию.

Такое гносеологическое значение наглядности в науке указывает на ее взаимосвязь с наблюдаемостью, точнее с принципом наблюдаемости как проявлением, формой наблюдаемости. Если принцип наблюдаемости настаивает на введении понятий, характеризующих отдельные свойства материальных объектов, то наглядность требует выработки целостной модели для интерпретации объекта, является способом сведения наблюдаемых величин в некоторую модель объекта или процесса. Это может реализоваться в форме создания мысленной картины объекта, его схемы или путем построения знаковой системы, позволяющей наглядно представить и сделать обозримыми связи и отношения, характеризующие объект как целое или его отдельные стороны.

Для дальнейшего понимания наглядности следует сделать небольшое замечание о классификации моделей. В практике и процессе научного познания используются два типа моделей: первый тип — материальные (предметные) и второй тип — мысленные (идеальные). К числу материальных относятся модели, сконструированные человеком искусственно или взятые из природы в качестве образцов. При этом все изменения в них существуют объективно, независимо и вне сознания человека, т. е. функционируют по объективным законам

природы. Материальные модели, преследующие цель воспроизведения прежде всего физических процессов, широко применяются в науке и технике; они используются как способ разработки и экспериментального изучения свойств строительных конструкций (зданий, сооружений), разнообразных механизмов. Важнейшими вопросами этого типа моделей являются такие: как строить физические модели и как по результатам их исследования судить о явлениях, происходящих или могущих произойти в естественных условиях.

Главное отличие мысленных моделей от материальных состоит в том, что они конструируются в форме мысленных образов, существующих лишь в голове исследователя. В этом смысле они выполняют свои познавательные функции как мысленно представляемые, т. е. идеальные конструкции. Мысленные модели фиксируются с помощью языка, знаковых средств, чертежей и других материальных средств выражения. Оперирование мысленными моделями представляет собой форму мысленного эксперимента, а сами модели являются его мысленными средствами. Примерами таких моделей могут быть многочисленные модели газа, планетарная модель атома, структурные формулы классической химии. Мысленное (образное) моделирование, основанное на введении идеализированных абстрактных объектов, является особым способом наглядного отображения объектов реальности, недоступных непосредственно чувственной воспринимаемости (наблюдаемости), включает в себе возможность выработки принципиально наблюдаемых величин и таким образом находится в прямой связи с принципом наблюдаемости.

Модель как форма связи и метод логического мышления об объективной реальности служит для выражения отношения между человеческими знаниями об объектах и самими объектами и находит все большее распространение в науке. Особенно это заметно в истории физического познания. Физика раньше других наук прошла долгий и плодотворный путь созидания моделей и изучаемых в ней явлений и процессов природы. Вторая половина прошлого века явилась временем интенсивного применения моделей в различных областях физической науки. Наибольшее распространение в тот период получило создание механических моделей сложных физических явлений. Многие представители классической физики считали невосприимчаемые процессы понятными только в том случае, если они сводились к механическим моделям, т. е. если эти процессы мысленно проектировались на привычную и наглядную механическую модель. Механическая наглядность, основывающаяся главным образом на механических моделях и механистических представлениях, в своем стремлении объяснить сложные процессы объективной реальности зачастую не способствовала формированию понятий, проникающих в сущность процессов,

и являлась своеобразным тормозом в науке (например, различные модели эфира). В условиях значительных успехов науки XX века, в особенности физики, классические наглядные рамки оказались слишком низкими, чтобы вместить поток открытий в области квантовых явлений. Наука еще никогда так глубоко не проникала в мир фундаментальных невидимых, невоспринимаемых явлений. Для этого потребовалось создание новых моделей, представлений, понятий, теорий, которые позволяют изучать более глубокие связи и отношения объективного мира. В этих условиях обращение к наглядным представлениям и моделям имеет большое значение. «Наглядные представления, наглядные модели выступают в роли полезных, дополнительных средств теоретического моделирования, качественного и количественного осмысливания особенностей данной теории. Они помогают активному процессу творчества ученого-теоретика. Они оказывают неоценимую помощь физикам-экспериментаторам в ходе содержательного интуитивного мышления, способствуя разработке новых экспериментов, часто несовместимых с господствующими теоретическими представлениями. При этом наглядные модели не остаются неизменными и для каждой из них наступает момент, когда она либо заменяется другой, более полной наглядной моделью, либо уточняется посредством сопоставления с некоторой более строгой математической структурой» [5, с. 25]. Такая характеристика наглядных представлений позволяет сделать вывод о том, что нельзя говорить о потере наглядности в науке, в частности в физике. Изменился в основном тип используемых моделей. Если в классической физике определяющая роль принадлежала первому типу моделей — материальным, механическим, то основу наглядности современной физики составляют модели второго типа — мысленные. Как указывает С. И. Вавилов: «Во времена господства классической физики считалось само собой разумеющимся, что всякой правильной физической теории обязательно должна соответствовать механическая модель. Новая физика обнаружила перед нами круг явлений, для объяснения которых механическую модель построить не удается. Можем ли мы тем не менее строить физические теории для объяснения явлений такого рода? Несомненно. Примеры этого — теория относительности и квантовая механика... Как же строятся подобные теории? Это сложный путь комбинации экспериментальных данных, математических гипотез, экстраполяции и осторожного качественного применения классических представлений и моделей» [1, т. 3, с. 95—96].

Под наглядностью теории следует понимать неразрывную связь ее логико-математических построений с содержательным знанием о соответствующей области объективного мира. Например, теории классической физики более наглядны по сравнению с современными, так как их понятия являются боль-

шей частью теоретическим обобщением данных непосредственного наблюдения. Так, понятие длины представляет обобщение того факта, что воспринимаемые вещи обладают различными протяженностями. Сопоставления протяженностей, которые человек производил практически миллиарды раз до начала систематического исследования природы, привели к выработке научных понятий постоянного масштаба и единицы длины, а при помощи последних — к правилам соотнесения длин воспринимаемых вещей определенным числам. Теории современной физики менее наглядны, так как их понятия не являются обобщениями непосредственных данных наблюдения. Особенность построения современных теорий состоит в том, что их понятия нередко возникают после создания математического формализма. Отметим, что развитие современной науки в значительной степени обязано математике. Математика в науке — это наиболее адекватный язык для формулировки основных законов, которые вне этого языка не могут быть выражены. Роль математики состоит в том, что она составляет науке свои структуры в качестве потенциальных моделей объектов реальности, а специфика современной математики — в том, что ее развитие в значительной мере определяется не только задачами описания существующих объектов и отношений материальной действительности, но и ее внутренними потребностями привести в логическую связь уже достигнутые результаты, в том, что она описывает как известные, так и возможные объекты, что она допускает все новые и новые интерпретации, что она позволяет предвидеть будущий ход событий.

Наука исследует не математические структуры, а объективную реальность с помощью математики. А отсюда следует, что какого бы высокого уровня абстракции ни достигло научное мышление, оно постоянно тяготеет к чувственной наглядности, образности, связывающих наши теории с материальными предметами и их отношениями. Поэтому современное познание особенно выделило проблему соотнесения понятий теории с объективной реальностью. А это и есть проблема наблюдаемости как одна из наиболее актуальных в науке. Раскрытие содержательного смысла понятий — это требование принципа наблюдаемости. Его осуществление представляет собой важнейшую сторону развития теории. Без этой стороны теория представляет собой математическую схему, а не теорию. Свое требование по эмпирической интерпретации логико-математических построений, относящихся к исследуемым объектам, принцип наблюдаемости осуществляет с помощью наглядных мысленных моделей. «Во многих случаях образная модель может успешно служить средством раскрытия физического смысла математических соотношений, содержательно интерпретировать их, связывать их с экспериментальными данными. Поэтому мысленные наглядные модели могут выступать в качестве интерпрета-

ций знаковых моделей и вместе с последними составлять взаимно дополняющие аспекты отражения объекта исследования» [4, с. 217]. Выступая как специфические образы изучаемых явлений, мысленные наглядные модели расширяют и обогащают отвлеченную мысль, придавая ей силу конкретности, связывая ее с эмпирическим фундаментом наших знаний. По мере накопления и уточнения знаний об объекте исследования создаются такие наглядные образы (модели), которые наиболее адекватно отражают структуру исследуемого объекта.

Мысленный эксперимент играет важную роль при формировании фундаментальных понятий новой теории, в отборе которых решающая роль принадлежит принципу наблюдаемости. Но данный принцип участвует и на стадии создания понятий, задавая некоторую программу, схему их формирования, а мысленный эксперимент является средством ее реализации. Операция над наглядными образами как идеальными заместителями реальных объектов, составляют существенную особенность мысленного эксперимента. Довольно ярко это описано Б. Г. Кузнецовым при создании теории относительности А. Эйнштейном: «Эйнштейн, стремясь нагляднее представить движущие системы отсчета, мысленно рисовал движущиеся вместе с каким-то телом, прикрепленные к этому телу измерительные стержни, а также часы. Стержни и часы позволяют измерить положение каждого тела в каждое мгновение и определить его скорость. Таким образом, система отсчета рисовалась Эйнштейну в виде реального тела, к которому прикреплено начало координат, бесконечные координатные оси и множество сколь угодно длинных стержней, так что любое тело, где бы оно ни находилось в данный момент, совпадает по своему положению с определенными отметками на измерительных стержнях, т. е. имеет определенные координаты, причем «данный момент» один и тот же в каждой точке, ориентированной при помощи стержней, — мы можем сверить все находящиеся в этих точках часы» [3, с. 152—153]. Наглядные мысленные (идеализированные) объекты — часы, стержни, наблюдатели — выполняют идеализированные процедуры измерения, участвуют в выработке основных принципиально наблюдаемых понятий (например, одновременность), которые вскрывают сущность изучаемых процессов природы. Хотя сущность, законы сами по себе чувственно не воспринимаемы, они всегда обнаруживаются в конкретных явлениях и процессах. С помощью наглядных образов можно представить их отдельные формы и проявления и таким путем лучше уяснить их значение.

Анализ проблемы наглядности в ее связи с проблемой наблюдаемости практически отсутствует в нашей литературе. Наблюдаемость является неотъемлемым свойством современного научного знания, она неразрывно связана с теми методами и средствами, которые в нем применяются. Формирование

новых понятий теорий в терминах измеряемых величин, эмпирическая интерпретация математических структур являются весьма существенными требованиями принципа наблюдаемости. Реализация их осуществляется с помощью наглядности, основой которой являются мысленные модели. Речь идет о том, что посредством оперирования чувственно-наглядными гипотетическими образами, основанными на научных принципах и творческой фантазии в мысленном эксперименте (как, в частности, в приведенном примере) идет формирование, создание понятий теории в терминах измеряемых величин. Наглядность дает возможность делать определенные шаги в создании понятий теории, раскрывать содержательный смысл знаковых моделей, эмпирически их интерпретировать.

Наглядные мысленные модели позволяют сообразить отдельные формы и проявления сущности процессов. Рассматривая диалектику наблюдаемости и наглядности, отметим, что наглядность выступает неотъемлемой частью наблюдаемости и является формой ее реализации. С развитием науки изменяются конкретные формы наблюдаемости и наглядности.

В современной науке объектом внимания исследователей становятся объекты и процессы микромира, изучение космоса и закономерностей мегамира. Мир атома и элементарных частиц для нас непосредственно чувственно не воспринимаем. Но, вырабатывая содержательные, принципиально наблюдаемые понятия, отображающие свойства объективной реальности, используя различные наглядные мысленные образы, качественно отражающие структуру, отдельные стороны и свойства этих объектов, мы расширяем наше знание о микромире. Эти образы постоянно уточняются, наполняются новым смыслом и содержанием, становятся основой для построения новых научных теорий, все более адекватно отражающих явления действительности. В этом смысле принцип наблюдаемости и наглядность осуществляют связь эмпирического и теоретического уровней знания. Поэтому связь принципа наблюдаемости и наглядности является существенным фактором в выработке научных понятий, их интерпретации, установлении новых взаимосвязей между концептуальными системами и научным экспериментом, практикой.

Список литературы: 1. *Вавилов С. И.* Собр. соч. М., 1956. 2. *Копнин П. В.* Марксистско-ленинская теория познания и современная наука. — Вопросы философии, 1971, № 3. 3. *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн. М., 1963. 4. *Славин А. В.* Наглядный образ в структуре познания. М., 1971. 5. *Чавчанидзе В. В., Гельман О. Я.* Моделирование в науке и технике. М., 1966.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ
И ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ НТР ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ**

Науке и искусству объективно присуща полифункциональность. По вопросу о системе социальных функций науки и искусства в научной литературе еще не выработано единое мнение. Наличие же и у науки, и у искусства познавательной функции является общепризнанным. Реализация познавательной функции наукой и искусством в условиях НТР, их особенности, различия, моменты связи и взаимодействия между ними — одна из наиболее важных сторон проблемы соотношения науки и искусства.

Современная научно-техническая революция играет существенную роль в сложной картине социальных изменений. Ныне с новой остротой поставлен вопрос о смысле человеческой жизни, о месте и роли человека в процессе культурно-исторического развития, об общественном назначении науки и искусства. Это не могло не найти отражения в современном научном и художественном познании. Задачей данной статьи и является рассмотрение некоторых аспектов познавательной функции науки и искусства в условиях современной НТР при социализме.

Научное и художественное познание нельзя рассматривать ни в плане противопоставления, ни в плане превосходства научного знания над тем, которое дает нам искусство. И наука, и искусство являются познанием, которое включает в себя творчество. Но если научное познание реализуется в объективной конкретной истине со строгими доказательствами [см.: 7, с. 259] (чего не может дать искусство), то художественное познание обладает своей, отличной от научного характеристикой. В искусстве познание действительности органически связано с обязательным моментом очеловеченного отношения к отражаемым явлениям, вследствие чего искусство выступает как специфическая эстетическая познавательно-оценочная деятельность людей, и сущность искусства, таким образом, не исчерпывается его способностью к познанию. Научное и художественное познание необходимо взаимодополняют друг друга с целью более полного отражения действительности.

И по объекту, и по функциональному назначению между наукой и искусством соответствует как связь, так и определенные различия. Объектом научного познания является природа, общество и мышление. Познавательная функция науки удовлетворяет человеческие потребности во все более глубоко познании мира и человека. Объект искусства также ничем не ограничен: как форме познания искусству доступно все в природе и обществе [см.: 7, с. 259]. Однако эта вседоступность художественному познанию необходима лишь в той мере, в какой она

позволяет через отражение того или иного общественного или природного явления раскрыть новые существенные черты в человеке и окружающих его общественных условиях. Содержание познавательной функции искусства в настоящее время не изменилось в широком понимании. Как и раньше, оно состоит в познании всего многообразия связей и отношений человека с природой и обществом. Но поскольку под влиянием научного и технического прогресса изменяется окружающая человека действительность и характер его связей и отношений с миром, постольку изменяется и познавательная направленность искусства.

Характерное для научного и художественного познания различие состоит в форме отражения действительности. В науке результаты познания выражаются в системе понятий, выводов, законов, в искусстве — посредством художественно-образной системы, в которой отражается и материализуется взаимодействие человека и действительности.

По функциональному назначению и научное, и художественное познание в конечном итоге направлено на преобразование человека и действительности. Отличительной чертой научного познания в современных условиях является его неотделимость от практической функции науки, которая вследствие НТР нашла свое выражение в превращении науки в непосредственную производительную силу общества. В связи с этим для современной науки характерна удивительная близость самых фундаментальных проблем познания и самых актуальных и конкретных задач производства. Причем производство получает от науки не только решение конкретно сформулированных целей и задач, но и возможность дальнейшего развития и совершенствования, так как в процессе познания наука никогда не ограничивается только ответом на конкретно поставленный вопрос. Процесс научного познания в любой области бесконечен и, по образному выражению Б. Г. Кузнецова, «отвечает не только на заданный вопрос, но и на незаданный» [8, с. 314]. «Нам теперь, — продолжает Б. Г. Кузнецов, — недостаточно очередного, более близкого к истине ответа на вопрос «как устроен мир». Вместе с этим мы хотим получить информацию о дальнейших вопросах, которые должны быть заданы природе, узнать о некоторых новых проблемах, быть может, о новых апориях, о новых прогнозах. Все это и образует гносеологическую ценность истины» [9, с. 15]. Таким образом, научные знания одновременно содержат в себе и те сдвиги и изменения, которые в будущем произойдут и в самой науке, и в общественной жизни.

И художественный образ, и система научных понятий дают достоверное знание о действительности, причем сам процесс его получения и в науке и в искусстве содержит как необходимые моменты наблюдение, отбор и накопление материала и т. п.

В искусстве на основе одного эмоционального, конкретно-чувственного нельзя создать художественный образ. И художественное и научное познание включает в себя единство рационального и эмоционального. В. И. Ленин писал, что «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может «человеческого искания истины» [2, т. 25, с. 112].

Взаимодействие познавательной функции науки и искусства в условиях современной НТР происходит при возрастающей социальной роли науки, поэтому является закономерным и объяснимым процесс интеллектуализации современного искусства, увеличение в нем общей доли рационального, что, в свою очередь, ставит перед искусством нелегкую задачу необходимости совмещения образности искусства с его возрастающей интеллектуализацией.

Процесс научного и художественного познания никогда не носит характера завершенности. Объединяет их стремление свойственными им средствами получить знание о сущности отражаемых явлений (в науке — через обобщение, в искусстве — через типизацию). В то же время результаты познания в них обладают существенными различиями. В искусстве они облекаются в конкретно-чувственную образную форму. Сам этот способ отражения общего через индивидуальное, типичного через конкретное уже предполагает субъективный подход (более или менее ярко выраженный), так как с отражением тех или иных явлений действительности в художественном образе одновременно преломляется и личность художника, его отношение к изображаемому, зависящее от его мировоззрения и миропонимания. С этим связана и та особенность искусства, что оно никогда не ограничивается только воспроизведением действительности, но всегда сохраняет за собой и осуществляет право высветить эту действительность под определенным углом зрения: как гармоничную или противоречивую, прекрасную или безобразную, трагическую, комическую или трагикомическую, нуждающуюся в одобрении или порицании и т. п. В силу вышесказанного художественное познание не существует вне эмоционального захвата читателя, зрителя или слушателя, поскольку в искусстве обязательно раскрывается эстетическая сущность отражаемых явлений действительности. При этом, чем крупнее масштаб личности художника, тем сильнее проявляется его субъективное отношение к изображаемому, тем глубже способность его искусства эмоционально воздействовать на людей. С этим связана и глубокая индивидуальность произведений больших художников: «Одну и ту же музыкальную симфонию не могут независимо друг от друга написать 2 разных композитора. Да и кому нужно такое совпадение? Одно и то же научное открытие не только могут, но и должны делать разные ученые. Неповторимый результат в науке считается ложным. Недаром все чаще одинаковые открытия

делаются почти одновременно, в разных частях света и притом нередко одинаковым способом» [11, с. 489].

Высшее стремление ученого — познать истину. Эту способность научного познания удачно выразил советский эстетик и литературовед М. М. Бахтин: «Действительность, входя в науку, сбрасывает с себя все ценностные одежды, чтобы стать голой и чистой действительностью познания, где суверенно только единство истины» [3, с. 28]. Поэтому в науке заметно максимальное стремление к тому, чтобы личность ученого не находила отражения в результатах его научной деятельности. В большей степени это относится к естественным наукам, поскольку если химическая формула или физический закон полностью объективны, то в общественных науках ученый не может абсолютно отстраниться, например, от своих классовых убеждений или партийной позиции, так как эти факторы в первую очередь влияют на содержание его научных выводов и обобщений. Но этот вопрос должен быть предметом специального анализа.

В функциональном отношении наука и искусство также объединяет популяризация научных знаний, которая способствует повышению культурно-образовательного уровня общества.

Как неотъемлемые стороны культуры наука и искусство могут оказывать и оказывают существенное влияние и друг на друга, и на всю культуру в целом. В условиях современной НТР особенно отчетливо проступает воздействие науки на процесс художественного познания. В частности, это проявляется во влиянии на объект отражения в искусстве. Современное социалистическое искусство отображает и идейно-эстетически оценивает социальные, в первую очередь нравственные проблемы, выдвинутые и порожденные интенсивным научно-техническим развитием, и изменения, которые происходят в отношениях между самими людьми, людьми и техникой, людьми и природой и т. п. Социалистическое искусство во всех явлениях общественной жизни прежде всего учитывает активно-творческие, гуманистические, а, следовательно, и эстетические факторы, которые должны способствовать формированию всесторонне развитой личности, поэтому искусство прежде всего стремится художественно осмыслить те изменения в сознании и психологии людей, которые связаны с процессами, характерными для научно-технической революции.

Стремясь вскрыть положительные и отрицательные факторы НТР в ее влиянии на общество, искусство тем самым осуществляет процесс дальнейшего углубления и расширения познания человека в его отношениях и с обществом, и с коллективом, и с ближайшим окружением. Для более глубокого художественного познания усложнившихся отношений в обществе, с целью постижения самого существенного в условиях, в которых протекает жизнь и деятельность нашего современника. социалистическое искусство широко использует диспут, противоборство мнений, усиливается роль подтекста. В литературе, кино, театре проявляется стремление создавать образы, со-

звучные эпохе научно-технической революции. Ряд исследователей отмечают философичность современной художественной прозы и поэзии. Большую художественную роль ныне играют усложненные приемы психологического анализа (внутренний монолог, «поток сознания»), помогающие раскрыть тайные глубины человеческой психики, обосновать сложность тех мотивов, которые определяют социальное поведение человека [см.: 12, с. 51—53].

Определенную трансформацию переживает и художественная форма вследствие интеллектуализации современного искусства: более емким и сжатым становится язык, возрастает интерес к документальности. Все эти явления рассматриваются как конкретные формы художественной эволюции [см.: 10, с. 255—256]. Интересно, что в то же время писатели и популяризаторы науки (такие, как Д. Данин и Д. Гранин) отмечают изящество и поэтичность терминов современной науки [см.: 5, с. 17; 6, с. 148]. Можно сказать, что в искусстве сейчас все более широкие позиции завоевывает аналитический метод в его специфической художественной форме.

Активная роль познавательной функции науки в современной общественной жизни не сводится только к теоретическому воспроизведению действительности. Реализация результатов научного познания в условиях современной НТР происходит в процессе все более интенсивного вторжения их в практику, в бытие человека. Поскольку интервал между научными достижениями и их практическим использованием постоянно сокращается, и наука ныне как никогда активно воздействует на жизнь человека, проблема социальных последствий научного развития стоит так же остро. В сложившейся ситуации наука уже не может не оценивать последствий бурного научно-технического прогресса. Б. Г. Кузнецов справедливо отмечает, что «познание уже не может отгородиться от воли, эмоции, ценностей» [9, с. 11]. В науковедении намечается тенденция подхода к процессу и результатам научного познания с точки зрения не только познавательных, но и ценностных критериев. Науковеды ставят вопрос о «связи познающей истины с экономическими, социальными, эстетическими идеалами и целями прогресса», поскольку «резкое повышение удельного веса проблем ценности, экологических проблем в современной философии, сближение (в перспективе—растущее) аксиологии и гносеологии современной науки — это процесс, от которого во многом зависят судьбы цивилизации. Разбуженные неклассической наукой гигантские научно-технические потенциалы должны сочетаться с рациональным экономическим и экологическим расчетом, со стремлением к социальной гармонии и с подъемом морального самосознания» [9, с. 11].

В предыдущие исторические периоды между научными достижениями и их социальными последствиями не было такой

органической связи, которая характерна для них сейчас. Научное познание в условиях современной НТР не может ограничиваться констатацией объективного знания, не сводится к нему. Оно неизбежно включается в систему нравственных, политических, философских, эстетических убеждений, т. е. речь идет о гуманизации науки. Но этот вопрос нельзя рассматривать без учета конкретно-исторических социальных условий, в которых протекает процесс развития современного научного знания. Марксизмом доказана неспособность буржуазного общества использовать развитие науки в гуманистических целях. Необходимой предпосылкой осуществления объективных гуманистических возможностей современной НТР является социализм, поскольку только в условиях социализма наука и техника служат средством достижения такой высокой цели, как всестороннее развитие личности.

Гуманизация науки не может не отразиться на познавательной функции науки и на ее соотношении с художественным познанием, так как с ней в социалистическом обществе связано и то влияние, которое оказывает наука на характер своего познания, и своеобразное пересечение познавательной функции науки и искусства.

В основе реалистического искусства всегда находилась и находится гуманистическая концепция человека. В центре внимания наук до II-й половины XX в. стояли вопросы, относящиеся к явлениям окружающего мира, которые огрубленно можно сформулировать так: Что это? Каково оно? В чем его польза? Г. Н. Волков убедительно доказал, что со II-й половины XX в. изменяется целевая ориентация науки. Сохраняя практическую функцию (дальнейшее развитие и совершенствование технологической и материально-производственной сферы человеческой деятельности), наука ныне ориентируется на «развитие интеллектуально-творческого потенциала личности», которое основывается на «развитом базисе материально-воплощающейся науки» [4, с. 152]. Главным социальным содержанием в условиях НТР при социализме оказывается человек, и наука самым активным образом участвует в его «духовном производстве»¹, которое главной своей целью имеет формирование сознания личности социалистического типа, является неотъемлемой частью культуры и играет в ней существенную роль.

В современную эпоху все более возрастает роль науки в духовном производстве человека, ибо сейчас наука непосредственно вошла в преимущественную сферу функционирования ис-

¹ Термин «духовное производство» был введен К. Марксом и Ф. Энгельсом для характеристики процесса образования в сознании людей идей и представлений об их отношении к природе и обществу, в процессе производства, их деятельности и общении (см.: 1, т. 3. с. 24).

куства — формирование и развитие личности, ее духовного мира.

Таким образом, несмотря на различия между научным и художественным познанием, мы можем сделать вывод о том, что в условиях современной НТР науку и искусство объединяет возможность бесконечного познания и преобразования действительности и человека. Как полифункциональные системы, взаимодействующие в едином поле человеческой культуры, наука и искусство не ограничиваются реализацией познавательной функции. И в науке, и в искусстве она переходит в другие социальные функции: воспитательную, прогностическую, эвристическую, а в искусстве — еще и в эстетико-гедонистическую.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 1975. 4. Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М., Политиздат, 1976. 5. Гранин Д. Союз, продиктованный временем. — В кн.: Художественное и научное творчество. Л., Наука, 1972. 6. Данин Д. Неизбежность странного мира. — В кн.: Пути в неизвестное. М., Советский писатель, 1960. 7. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, Наукова думка, 1966. 8. Кузнецов Б. Г. Философия оптимизма. М., Наука, 1972. 9. Кузнецов Б. Г. Ценность познания. М., Наука, 1975. 10. Культура и идеология в условиях НТР. — Социально-экономические и идеологические проблемы научно-технической революции. По зарубежным материалам. Реферат. сборник. Вып. IV. М., 1977. 11. Поспелов Г. Рассказы об интимном. — В кн.: Пути в неизвестное. М., Советский писатель, 1960. 12. Якименко А. Г. Философия исторического оптимизма и концепция человека. — В кн.: Концепция человека в эстетике социалистического реализма. М., Мысль, 1977.

В. Ф. СУХИНА, канд. филос. наук

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ «ЧЕЛОВЕК — ЭВМ»

Трудно назвать такую область современного научного познания, где бы не применялись электронно-вычислительные машины (ЭВМ). Разнообразны функции, выполняемые ЭВМ, — функции счета (вычисления), моделирования, экспериментирования, управления и пр. ЭВМ стали вторгаться в область решения таких задач, которые до сих пор были полем деятельности исключительно человеческого мышления. С развитием вычислительной техники становится актуальным вопрос о соотношении субъективных и объективных моментов в процессе взаимодействия человека и ЭВМ, дальнейшее исследование возможностей использования ЭВМ в творческой, интеллектуальной деятельности. Этот процесс представляет интерес тем более, что в философской литературе ему уделяется еще недостаточно внимания.

1. Анализ практической и теоретической активности субъекта

При использовании ЭВМ целесообразно стремиться обеспечить рациональное сочетание функций человека и машины. Выбор метода решения задачи, составление алгоритма, программы — субъективные моменты исследования. Они включают в себя уровень профессиональной подготовки субъекта (знания, опыт, навыки и пр.), а также индивидуальные особенности (интеллектуальные способности, эмоциональную устойчивость и др.). Однако это субъективное, в конечном счете, есть отражение общественной практики, тех знаний и опыта, которые имеются в науке.

Следует заметить, что программирование задачи становится технически преходящим моментом. Останавливаться на нем имеет смысл лишь по отношению к машинам сегодняшнего, а не завтрашнего дня. Уже некоторые современные электронные машины, оснащенные специальными устройствами-анализаторами, могут непосредственно воспринимать звуковую, зрительную или какую-либо другую информацию. Практикуется также передача функций программирования самой машине. Для этого составляются программы, предназначенные не для вычисления на машинах, а для составления программ вычислений на машинах при решении разных задач.

Активность субъекта в процессе познания — это взаимопроникающее единство двух ее сторон: практической и теоретической. Материальное взаимодействие субъекта с машиной — проявление его практической активности, заключающейся, в основном, в манипулировании с устройством управления. В прямой контакт с машиной оператор вступает в ходе отладки программы. Человек осуществляет прием информации о ходе решения задачи, о состоянии машины с помощью сигналов, выдаваемых машиной и воспринимаемой его органами чувств. Следует отметить относительный характер практической активности субъекта. Это объясняется относительностью уровня знаний субъекта в данное время и нередко обусловленными ею некоторыми психологическими моментами, связанными с готовностью человека к взаимодействию с ЭВМ. Эффективность практической деятельности зависит от психологических моментов, которые развиваются, усвершенствуются в процессе их тренировки. Постепенно у субъекта формируются различные образно-концептуальные модели проблемных ситуаций, лежащие в основе процесса принятия решения.

Теоретическая активность субъекта проявляется на протяжении всех этапов решения задачи. В процессе моделирования на ЭВМ это обнаруживается не только в постановке задачи, в выборе метода (и первоначальной модели), но и в экспериментировании с моделью, в переносе полученных знаний на объект исследования. Благодаря своей теоретической

активности субъект может оценить адекватность полученной модели и, абстрагируясь от более сложных связей и отношений, в случае необходимости возвратиться к ним на следующих этапах изучения объекта для получения модели, более соответствующей оригиналу. Но поиски ученого в процессе установления отношения модели к оригиналу ограничены объективными свойствами как модели, так и оригинала, а также уровнем развития научного знания. Поэтому теоретическая активность не абсолютна. Она обусловлена практической активностью, уровнем общественно-исторической практики в целом, оказывая существенное влияние на последнюю.

Понятно, что вычислительные машины могут быть полезнее и удобнее, если их процессы не будут столь полно предписаны или, иначе говоря, детерминированы заранее, если перед ними можно ставить задачу, а они сами выберут подходящий путь решения и пройдут этот путь с надлежащей быстротой и точностью. Необходимость в этом возникает прежде всего в тех случаях, когда использование точных математических методов, поддающихся строгой алгоритмизации, не проходит по определенным причинам (нередко из-за сложности условий задачи). Вместо развернутых неизменных программ, содержащих полностью весь перечень операций, выполняемых машиной, применяются эвристические программы, изменяемые самой машиной в процессе вычисления.

Метод эвристического программирования заслуживает внимательного изучения. Особенностью его является то, что программа поиска решения проблемы здесь создается в условиях отсутствия достаточной информации для составления алгоритма этого решения. Известно, что человек, решая ту или иную сложную задачу, не рассматривает всех объективно возможных направлений поиска, а выделяет некоторую зону. Умение нащупать, предварительно выделить удачную зону поиска является одним из существенных компонентов творческих способностей. Именно особенность творческого мышления и пытались имитировать создатели эвристических машин и программ.

При этом не всегда гарантируется доказательство, иногда не знают, существует ли вообще решение. Все это способствует некоторому скептическому отношению к эвристическому моделированию со стороны отдельных математиков, ярых защитников использования математических методов. Пусть эти математические методы и не везде применимы, рассуждают они, зато всегда можно оценить полученные результаты, определить их точность. Думается, что для подобного игнорирования эвристическими приемами нет оснований. Эвристика предлагает решения, которые в большинстве случаев оказываются достаточно хорошими. Успех решения задачи зависит от разумного соединения самых разнообразных методов, подходов, приемов.

В отличие от программы, жестко определяющей последовательность работы машины, эвристическая программа в ряде ситуаций оставляет машине возможность выбрать некоторый образ действий, заранее не predeterminedный, и тем самым позволяет резко ограничить перебор при решении сложных задач.

Пользуясь методом «поощрения» удачных решений и «наказания» неудачных, эвристическую программу можно сделать обучающейся, совершенствующейся и находящей новые методы решения. В результате этого при решении конкретных интеллектуальных задач машина сможет превзойти своего программиста. Старое изречение, что «машина никогда не знает больше программиста», уже оказывается просто неверным [см.: 8, с. 161]. Авторы эвристической программы «Логик-теоретик» — А. Ньюэл, Дж. Шоу, Г. Саймон показали, что эта программа может не только доказывать теоремы, но и выдвигать новые теоремы, стремиться к их доказательству [см.: 6, с. 500—530].

Заметим, что с методологической точки зрения было бы неверно противопоставлять эвристические и алгоритмические способы решения задач. Даже если машина «обучается» в процессе выполнения некоторого вычислительного процесса, т. е. корректирует собственную программу, то эта коррекция совершенно однозначно была заложена в первоначальной программе.

Известен также эволюционный подход — попытка смоделировать не то, что есть, а то, что могло бы стать, если бы эволюционный процесс направлялся в нужном для нас направлении и оценивался предложенными нами критериями. При этом задача формулируется лишь в терминах цели и допустимых затрат, а в ходе эволюционного процесса самой вычислительной системой создается наиболее эффективная программа.

Перспективы этого подхода заманчивы, однако о каких-либо существенных результатах его в настоящее время говорить еще рано. Путь эвристического программирования также обещал ранее (лет 10 назад) значительно больше, чем действительно было достигнуто в построенных американских и советских программах. А пока это лишь «демонстрация ожидаемых возможностей». Тем не менее, все усилия в этом направлении говорят о том, что в процессе «обучения» машины от человека требуется проявление большей активности, умения и изобретательности, чем при задании машине системы операций, выполняемых ею в строгой последовательности.

Остановимся кратко на том, что же нового вносит в процесс решения задачи использование такого средства переработки информации, как ЭВМ, в чем состоят основные особенности решения задач с помощью вычислительных машин.

Вычислительные машины обеспечивают расширение интеллектуальных возможностей человека как в количественном, так и в качественном отношении. Они во много раз превосходят человека по скорости, точности и надежности осуществления преобразования, а также по возможности хранения буквенно-цифровой информации, ее быстрого извлечения из памяти.

Применение вычислительных машин может облегчить поиск способа решения задач: человеку не обязательно разрабатывать новый изощренный способ, сокращающий количество вычислений. Напротив, он может избрать какой-нибудь из известных ему простых, хотя и трудоемких способов. ЭВМ позволяет оперативно использовать алгоритмы уже решенных задач, что резко увеличивает «зону поиска» среди возможных и доступных человеку средств и способов решения задач. Высвобождается время ученых для новых поисков, открываются возможности таких исследований, которые отвергаются сейчас как чрезмерно сложные, практически неосуществимые. ЭВМ позволяют изучать закономерности тех или иных процессов действительности путем исследования математических моделей, списывающих эти процессы.

Наряду с перечисленными достоинствами ЭВМ, следует отметить их ограниченность по сравнению с человеком. За человеком остается проектирование машин (хотя и в этом машины могут оказать ему помощь), разработка языков, предназначенных для эффективного программирования, выбор методов решения. В настоящее время и в предвидимом будущем именно люди должны выбирать проблемы для исследования, которые кажутся наиболее ценными, именно они должны разрабатывать методы исследования. И как бы ни развивалась вычислительная техника, обязанностью человека по-прежнему остается резюмирование выводов, их социальная, гносеологическая и экономическая оценка, формулировка непредвиденных заранее вопросов, изменение ранее намеченного пути решения проблемы. Вычислительные машины всегда будут орудиями, помогающими человеку делать работу быстрее и лучше.

Таким образом, активность человека в познании в связи с использованием вычислительной техники не уменьшается, а увеличивается, поскольку он, избавляясь от неблагоприятной, кропотливой, неинтересной работы, направляет свои усилия на развитие собственно творческих способностей и решение творческих задач — более глубокое осмысливание окружающего мира, изучение его взаимосвязей и взаимозависимостей. Кроме того, его усилия постоянно направлены на усовершенствование самих машин с тем, чтобы извлечь от них больше пользы, и полученные с их помощью результаты (в решении также и творческих проблем) использовать в своей дальнейшей деятельности.

Развитие ЭВМ оказывает глубокое воздействие и на человека, существенным образом изменяя как его роль в производственной деятельности, так и содержание и характер его труда. Труд человека «выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик [1, т. 46, ч. II, с. 213]. Тот факт, что профессии наладчика, оператора, диспетчера, программиста ЭВМ, то есть профессии «контролера и регулировщика», стали сегодня массовыми, позволяет говорить о достаточно серьезной и быстро возрастающей экономической и общественной значимости этих видов труда. В противоположность труду, полностью подчиненному системе машин, современный труд в сфере вычислительной техники во все большей мере наполняется собственно человеческим содержанием, становится полем приложения всей совокупности человеческих сил и способностей.

2. Перспективы развития системы «человек — ЭВМ»

В острых дискуссиях, развернувшихся в 50-х годах по поводу возможностей ЭВМ, высказывались различные, порой противоположные точки зрения. Ряд ученых (А. Колмогоров, А. Ивахненко, У. Р. Эшби, И. Винер, Н. Сатерленд, Дж. Уивер и другие) отстаивали возможность создания мыслящих автоматов, которые в перспективе могут заменить человека. Другие (И. Артоболевский, А. Самуэль, Д. Крутч и др.) уверены, что все попытки наделить электронные машины подлинно творческими способностями потерпят неудачи. Дискуссия показала, что рассматриваемая проблема глубоко философская и может быть решена лишь тесным союзом наук с философией диалектического материализма.

Не ставя перед собой задачи анализа различных мнений, высказанных по затронутой проблеме, выскажем лишь некоторые соображения относительно отличия мышления человека от так называемого «машинного» мышления. Речь идет о принципиальной возможности моделирования на ЭВМ мышления человека на основании информационного подхода к этой проблеме.

Сложность нейронов, из которых состоит мозг, очень затрудняет его прямое моделирование. Для информационного подхода характерно абстрагирование от качественной специфики субстрата мышления — мозга. В информационном плане мышление рассматривается как процесс переработки информации мозгом человека. Информационные процессы в ЭВМ совершаются в рамках правил формальной, математической логики. Все наши суждения соединяются связками «и», «не», «или», «если... то», «тогда и только тогда», «когда». Моделируя

их при помощи самых различных технических устройств, таких как лампы, реле и пр., а суждения, например, определенными буквами (в итоге импульсами), машина может, согласно введенным в ее программу правилам исчисления, «вычислить» соответствующие умозаключения, выдать новую информацию.

В чем же отличие «машинного» мышления от мышления человека? «Основные законы формальной логики, — отмечал Г. В. Плеханов, — в известных пределах применимы также и к движению» (а значит, и к мышлению. — В. С.). «Как покой есть частный случай движения, так и мышление — по правилам формальной логики (согласно «основным законам» мысли) — есть частный случай диалектического мышления» [3, с. 24, 22].

Но формальная логика, выражая момент устойчивости логического мышления, принципиально не в состоянии исчерпать конкретную по своему характеру диалектическую логику. «И именно потому мы, отдавая должную дань «основным законам» формальной логики, должны помнить, что они имеют значение лишь в известных пределах, лишь в той мере, в какой они не мешают нам отдавать должное также и диалектике» [3, с. 23] (разр. наша. — В. С.).

Формальная логика не исчерпывает все мышление, а описывает лишь его сторону. Эту формально-логическую сторону мышления и моделирует машина. И хотя граница между формально-логическим и интуитивно-содержательным мышлением подвижна и по мере развития научного познания сдвигается в сторону последнего, тем не менее она всегда имеет место.

Мы говорим о способности машины к творческой деятельности в том смысле, что машина может создавать новое, если под «новым» понимать иную комбинацию известных элементов. Создавая сами машины, а также составляя «мыслящие» программы ЭВМ, человек закладывает в них свой социальный опыт, влияние общественной среды и т. д. Поэтому абсолютно противопоставлять мышление человека как продукт общественного развития «мышлению» машины, по-видимому, неправильно. «Мышление» машины не изолировано от развития общества, а тесно связано с ним. Связующим звеном выступает человек.

В настоящее время большинством исследователей признается неправомерность как резкого противопоставления, так и механического сопоставления человека и машины. Все больше утверждается взгляд, согласно которому подлинное развитие кибернетической техники осуществляется лишь как развитие системы «человек — машина», и не исключено, что именно на этом пути будут достигнуты ощутимые результаты.

За последние 25—30 лет сменилось три «поколения» ЭВМ. Кибернетические машины первого и второго «поколений» практически позволяли

решать только полностью формализованные задачи, имеющие заранее составленный алгоритм их выполнения. В этот период пользователь (ученый, использующий ЭВМ в процессе своей научно-исследовательской деятельности) не имел непосредственного «контакта» с машиной. Он выступал в роли заказчика, передающего в вычислительный центр сформулированную им задачу. Его связь с ЭВМ осуществлялась через «посредников»: программиста (составляющего программу решения задачи пользователя в кодах «машинного языка»), кодировщика (наносившего программу и исходные данные задачи на перфокарты или перфоленту), оператора («пропускавшего» задачу через машину). Но с появлением третьего «поколения» ЭВМ начала складываться система оперативного непосредственного взаимодействия между пользователем и кибернетической машиной.

Начался качественно новый уровень использования ЭВМ в сфере научного труда, когда ученый может вступать в диалог с кибернетической машиной. Это позволяет решать задачи, которые ни человек, ни машина в отдельности решить не могли. К числу последних относятся различные многовариантные поисковые задачи, игровые задачи и т. д. Диалог «человек — машина» можно рассматривать, с одной стороны, как средство защиты системы от нежелательных субъективных факторов и плохо обоснованных решений, а с другой, — как средство контроля машинной программы человеком.

В последнее время получили широкое распространение устройства визуального представления информации в разнообразной форме на экране электронно-лучевых трубок, или, говоря короче, дисплеи [см.: 9]. Появление дисплеев позволяет более правильно разделить функции между человеком и ЭВМ, рационально организовать их диалог. Благодаря дисплею человек может мыслить в естественных для него понятиях образов, рисунков, схем, символов и выполнять действия, которые требуют творческого воображения, опыта и научной интуиции. Для него появляется возможность оперативно вмешиваться в ход задачи, вносить изменения и получать быструю ответную реакцию.

Однако, как бы ни было организовано взаимодействие и как бы слаженно ни работал механизм диалога, не следует забывать о том, что постановка задачи, выбор метода решения, оценка допущений, способность человеческого интеллекта своевременно при необходимости изменять их, интерпретация результатов—все это определяет ведущую роль человека. Диалоговая форма взаимодействия человека и ЭВМ требует повышения его теоретической и практической активности. Вычислительные машины, отмечает Г. Л. Смоляк, представляют собой **тактический** инструмент решения задачи, человек же всегда остается носителем **стратегического** мышления [см.: 7, с. 33] (подч. нами. — В. С.).

Проблемы оптимизации связи человека и машины требуют своего дальнейшего исследования. Более интересными и перспективными представляются гибридные вычислительные системы, объединяющие в себе дискретные формы представления информации и аналоговые принципы ее переработки [см.: 5, с. 240].

Четвертый период в развитии электронной вычислительной техники принесет дальнейшее усовершенствование системы связи человека с кибернетической машиной, а следовательно, и новые возможности в научном познании. Потребности современной науки выдвинули в качестве одной из важнейших задач 70-х годов создание такой информационной системы, которая бы позволила оперативно использовать в сфере научного труда совокупную мощность кибернетических машин четвертого «поколения». Это может быть достигнуто путем объединения в единую сеть многих ЭВМ. Конкретные шаги в этом направлении предприняты в первой половине 70-х годов, т. е. на этапе постепенного перехода от третьего к четвертому «поколению» электронной вычислительной техники.

Как отмечается в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», необходимо «обеспечить дальнейшее развитие и повышение эффективности автоматизированных систем управления и вычислительных центров, последовательно объединяя их в единую общегосударственную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления» [2, с. 174]. Объединение мощи коллективного человеческого интеллекта и новейшей кибернетической техники даст несомненно огромное повышение результативности научно-исследовательского труда.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 3. Плеханов Г. В. Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Ф. Энгельса. — В кн.: Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах». Л., ГСЭИ, 1931. 4. Кибернетика и современное научное познание. М., Наука, 1976. 5. Математизация знаний и научно-технический прогресс. Киев, Наукова думка, 1975. 6. Ньюэл А., Шоу Дж. С., Саймон Г. А. Процессы творческого мышления. М., 1965. 7. Смоляк Г. Л. Человек и ЭВМ. — Вопросы философии, 1973, № 3. 8. Фогель Л., Оуэнс А., Уолли М. Искусственный интеллект и эволюционное моделирование. М., Мир, 1969. 9. ЭВМ в экспериментальной физике. Дубна, 1970.

А. Н. РАЙЛКО

ЛАФАРГ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

К концу XIX в. в результате искаженного толкования марксизма его противниками и вульгаризаторами обозначается тенденция, именуемая экономическим материализмом. В «сравновании» на лучшее изображение «карикуры на марксизм» (так называл экономический материализм В. И. Ленин) усердствовали не только классовые враги марксизма, но и ревизионисты, предпринявшие попытку подменить теорию Маркса вульгарно-материалистической концепцией, метафизически истолковывающей культурно-исторический процесс с точки зрения «теорий среды», экономического «фактора».

Становление материалистического понимания истории происходило в борьбе с идеалистическими воззрениями на развитие общества, поэтому не только основоположники марксизма, но и их первые ученики главный упор «делали и *должны были делать*, сначала на выведении политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе» [1, т. 39, с. 82]. Однако чрезмерный упор первых распространителей марксизма на экономическую сторону учения Маркса приводил как бы к бессознательному игнорированию, или забвению, двух других его частей (в особенности это относится к философской части). Причину поверхностного усвоения марксизма некоторыми его пропагандистами в немалой степени может объяснить тот факт, что распространение марксизма на первых этапах его приложения к практике было связано с известным догматизированием марксовых посылок. Это понимал Энгельс, возлагая часть ответственности на себя и на Маркса за то, что «молодежь придает иногда больше значения экономической стороне, чем это следует» [1, т. 37, с. 396]. Появление писем об историческом материализме Энгельса как раз и было реакцией одного из основоположников марксизма на тенденциозное сведение теории научного социализма к экономическому материализму. Энгельс неоднократно подчеркивал, что в историческом движении общества производство и воспроизводство действительной жизни является лишь в конечном счете определяющим моментом, и «если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [1, т. 37, с. 394].

В пору распространения марксизма еще не были выработаны некоторые термины учения Маркса в том виде, в котором они употребляются в современной литературе, но уже тогда Маркс и Энгельс протестовали против характеристики своего учения как «экономического материализма» (как известно, некоторые пропагандисты марксова учения в противоположность буржуазным идеологам, характеризовавшим марксизм экономическим материализмом, допускали терминологическую путаницу, называя экономическим материализмом материалистическое понимание истории). Путаница терминологического порядка отчетливо проявлялась, например, у А. Лабриоля.

Несколько сложнее дело обстоит у П. Лафарга, причем эта сложность в известной степени обусловлена тем, что в нашей литературе нигде прямо не упоминается его имени в связи с анализом или критикой экономического материализма.

«Философская энциклопедия» обошлась замечанием, что экономический материализм «стал вульгарной «тенью» марксизма в плоско-рассудочном изложении у его защитников и распространителей» и от имени Маркса упрекнула Лафарга за «плоскую рассудочность» ровно двумя строками [10, т. 5, с. 545]. Х. Н. Момджян же в специальной статье «Лафарг, Поль» [10, т. 3, с. 153—154] счел нужным вообще не поднимать этот вопрос, тем самым нарушив посылки, изложенные им самим в монографии «Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории», хотя, справедливости ради,

следует сказать, что и в ней автор лишь намекает на «ошибки», сближающие в какой-то мере философско-исторические воззрения Лафарга с экономическим материализмом» [7, с. 127]. А. Ерышев обошелся замечанием, что под экономическим материализмом Лафарг подразумевал исторический материализм [3, с. 36]. Нельзя в полной мере согласиться и с З. Протасенко, утверждающей, что используемый Лафаргом термин «экономический материализм» свидетельствует о «гибкости приемов пропагандистской деятельности французского марксиста» [9, с. 34].

Такое положение дел не снимет с исследователя обязанности более пристально присмотреться к Лафаргу для уяснения его действительного отношения к экономическому материализму. Однако сделать это ответственно и трудно: высокий теоретический уровень и незаурядная эрудиция Лафарга, работавшего в непосредственной близости с основоположниками марксизма, предостерегает исследователя от возможной легковесной «проработки». Но некоторые уступки Лафарга экономическому материализму настолько явны, что они могут быть отмечены без особых затруднений.

Проблема влияния экономического фактора на политическое движение общества, на развитие его философской, литературной мысли и мораль особенно интересовала Лафарга. О своем намерении более глубоко вторгнуться в эту область исследования французский марксист сообщает в письмах Н. Ф. Даниэльсону и Г. В. Плеханову [см.: 8, с. 74, 142]. «Экономический материализм Карла Маркса», «Собственность и ее происхождение», «Экономический детерминизм Карла Маркса» и многие другие работы всецело посвящены этой проблеме.

Лафарг неоднократно подчеркивал, что материалистическое понимание общества не фаталистическая теория, что человеческая деятельность — деятельность творческая. Признавая объективный характер экономических законов, их независимость от воли и желания людей, французский марксист особое внимание сосредоточивает на производственной деятельности человека, преобразующей как природу, так и самого человека, тем самым отмежевываясь от вульгарных экономистов, полагающих, что человек не может оказывать активного влияния на развитие экономических явлений точно так же, как не может оказать влияния на движение небесных тел. Человек как биологический организм есть продукт природы, или естественной среды, однако на всем пути своего становления он подвергается все большему влиянию среды социальной, или искусственной, и это влияние решающее. Образовав свою искусственную среду, человек тем самым снял с себя ярем среды естественной, некогда фатальным образом подчинившей действие животного — будущего человека. В основе таких «революционных» действий лежит производственная деятельность человека. Какой бы области человеческого знания ни касался пытливый ум Лафарга, везде французский марксист подчерки-

вает решающее влияние экономики на развитие общества: «Гражданские и политические учреждения, религии, философские системы и литературы человеческих обществ уходят своими корнями в экономическую среду... В экономической среде — и только в ней — историк-философ должен искать *основные* (курсив наш. — А. Р.) причины социальных эволюций и революций [5, т. 3, с. 423].

Такая постановка вопроса о роли экономики в общественном развитии в полной мере противоположна фаталистическим установкам экономических материалистов, ибо выявляет экономику лишь как основную причину социальных изменений, и она прямо перекликается с мыслями Энгельса о том, что экономическое развитие лишь в конечном счете преобладает над политическими, правовыми и моральными идеями. Идеи, по Лафаргу, «не порождают исторических событий, а являются следствием социальных явлений, которые, развиваясь, создают их, преобразуют и уничтожают» [5, т. 3, с. 9]. Причем идеи не просто отражают материальную жизнь общества, но имеют действенный, активный характер, вытекающий из той роли, которую они играют в обществе: идеи «становятся движущими силами только потому, что они вытекают непосредственно из социальной среды» [там же, с. 9—10].

Положения, приводимые нами выше, бесспорно, говорят о том, что Лафарг был далек от истолкования марксизма в духе вульгарного экономического материализма. Однако нельзя не отметить, что эти послышки даются Лафаргом в общей, декларативной форме и притом в плане решения основной задачи — доказательства зависимости общественных идей от экономики. Как раз тогда, когда дело доходит до конкретизации вопроса о взаимодействии экономики и идей, и начинаются зловещие критики Лафарга, опусы, явившиеся в руках недобросовестных критиков удобным аргументом для дискредитации французского марксиста в пользу экономического материализма. Мы же имеем дело с сознательным акцентированием внимания Лафарга на определяющем общественное развитие экономическом моменте. Правда, иногда Лафарг заходил слишком далеко, стремясь установить непосредственную связь, зависимость надстроек от экономики: теория Маркса «явление литературы и искусства, морали и религии, философии и политики *сводит* (курсив наш. — А. Р.) к явлениям экономического развития» [5, т. 1, с. 389]. Экономика у него непосредственно определяет надстройку. Так, наряду с превосходным изложением конкретно-исторического материала в «Экономическом детерминизме Карла Маркса» нельзя не констатировать подчеркнутость этого определения. Такая же постановка вопроса явно расходится с тем, о чем писал Энгельс в письме К. Шмидту 27 октября 1890 г.: «Это и есть взаимодействие двух неодинаковых сил: с одной стороны, экономического движения, а с другой —...

политической силы, которая стремится к возможно большей самостоятельности и, раз уже она введена в действие, обладает также и собственным движением» [1, т. 37, с. 417].

Лафарг пытался уловить следствие экономического опыта в любом явлении общественной жизни, причем в поисках экономического эквивалента он подчас заходил так далеко, что может создаться впечатление если не отрицания, то по крайней мере пренебрежения ролью абстрактного, теоретического познания. Примером тому может служить его статья «Экономика, естествознание и математика», в которой он подвергает критике метафизика Бакса, игнорировавшего связь между математикой и экономикой. Бакс считал, что марксистская теория не всегда пригодна для объяснения некоторых явлений, в частности сущности математики. Он заключал, что между математикой и естественными науками, с одной стороны, и экономической жизнью, — с другой, не существует никакой связи, а если иногда такая связь и обнаруживается, то она имеет второстепенное значение. В этом Лафарг усмотрел кантианство: ведь именно Кант ставил своей целью разрешить вопрос о том, как возможна «чистая» математика, упуская из виду ее опытное происхождение, обусловленность человеческой практикой. Справедливо упрекая Бакса за «презрительное отношение к практическим потребностям», Лафарг, однако, не счел нужным выяснить сущность связей между экономикой и математикой, но, сузив проблему до доказательства ее опытного происхождения (в частности аксиом), он оказался не в состоянии диалектически решить вопрос о сущности математики как науки о формах и отношениях, взятых в отвлечении от их содержания — собственно, вскрыть коренное диалектическое противоречие в самой сущности математики. Лафарг понимает, что естественные науки и математика представляют собой «системы умозрительных теорем, выведенных из немногих аксиом», и что в этих науках работа наблюдения и экспериментирования стала излишней и заменилась «спекулятивной работой» [4, с. 32]. Но его больше интересует другая сторона вопроса — обусловленность математики человеческой практикой. Заострив на этом внимание, он как бы сознательно упускает из виду «чистую» математику, науку, обладающую **собственным движением**, а поэтому вопрос о связи внешнего (опыта) и внутреннего (собственно логического) в математике, естественно, снимается. Действительно, Бакс придавал математическим абстракциям слишком непосредственный объективный смысл, и его точка зрения смыкается скорее не с Кантом, а с платоновско-канторовским идеализмом. Ополчившись против односторонности «завязатого метафизика», Лафарг сам впадает в другую крайность, ведущую до отрицания факта существования «чистой» математики. А это, в свою очередь, уводит в метафизический материализм.

Именно по причине недостаточного внимания к роли и значению идей в общественном развитии, известного игнорирования их **собственного движения** Лафарг не может дать исчерпывающей критики идеалистических представлений на развитие общества, дать научную отповедь тем, кто подтасовывал историческому материализму мнение о сведении последним общественных явлений к экономике и отрицанию активного воздействия экономики на базис. Показать необоснованность такого утверждения можно лишь путем исследования диалектического характера взаимодействия базиса и надстройки. Лафарг же, ограничиваясь доказательством тезиса о зависимости идей от экономики, берет предмет исследования не в диалектическом единстве, но в полярных противоречиях. Вследствие такого изложения мысли получается схема, и критика «одного из вульгарных приспособлений» (экономического материализма) в сущности лишь очерчена контуром.

Вопрос о роли субъективного фактора в конце XIX — начале XX в. занимал многие умы: назревающие революционные события требовали уяснения соотношения объективного и субъективного в общественном развитии, — без этого невозможно было сколько-нибудь серьезно решать практические задачи рабочего движения. Ждать революцию или делать революцию? Плестись человеку за эволюцией экономики или сознательно готовиться к немедленным революционным преобразованиям?

«Скажите пожалуйста, гражданин, — обращается Лафарг в открытом письме к некому гр. Даниэлю, обвинившему редакторов «Эгалите» (Ж. Гэда и П. Лафарга) в том, что они, социалисты, якобы хотят прибегнуть к силе для разрешения социальных споров, — разве вы думаете, что если ласточки возвещают весну, то они являются причиной ее прихода?» И отвечает: «Когда научные социалисты говорят о концентрации экономических сил, они не вызывают эту централизацию, они только констатируют ее» [5, т. 1, с. 306]. Лафарг в речи на дискуссии между ним и Демолоном, основателем «Антисоциалистической лиги», определяя место «научных социалистов» (марксистов) в общественном движении, выразится конкретной: «Экономические явления — вот настоящие виновники, грозные революционеры, имеющие все привычки людей, разрушающие вековые устои общества. Мы, коммунисты школы Маркса и Энгельса, являемся только выразителями (*porte-parole* — рупорами. — А. Р.) экономических явлений. Подобно морским птицам, появление которых служит признаком надвигающейся бури, мы предвещаем господствующим классам страшную грозу., но не мы, однако, вызываем ее» [6, с. 31]. Эти же мысли можно прочесть и в «Ответе на критику Карла Маркса», и в «Пролетариате физического и умственного тру-

да», и в капитальном труде «Экономический детерминизм Карла Маркса»: экономические силы настолько колоссальны и бездушны в своей сущности, что они «играют людьми, как соломинками» [5, т. 3, с. 34].

Не против подобной ли вульгаризации выступали основоположники марксизма? В. И. Ленин, подвергая критике экономистов, игнорировавших роль сознательности масс, подчеркивал, что если революционные преобразования общества совершаются по непреложным, железным законам истории, то «от сплоченности, выдержанности и решительности передового класса зависит многое, если не все, в исходе великой революции» [2, т. 13, с. 75].

Как ни странно, но именно из уст Лафарга — человека, который не только возвещал бурю, но и готовил ее, — прозвучали нотки, в которых явно улавливается сведение деятельности людей к пассивной функции массы — быть людским материалом, из которого экономические силы лепят удобные им фигуры с готовыми, предопределенными ролями. А это уже не что иное, как фатализм.

Однако, как же увязываются фаталистические посылки Лафарга с его практической деятельностью как революционера? Как выясняется из анализа некоторых его работ, под сознательным ускорением революционных битв он был склонен понимать анархистские рецидивы: революцию готовят слепые экономические силы, которые более сильные, чем анархистская фразеология, а поэтому «лихорадочное нетерпение революционеров (читай: анархистов. — А. Р.) не ускорит ее наступления» [1, т. 36, с. 296]. Сводя счета со своей прежней анархистской совестью (увлечение анархизмом было фактом юношеской биографии Лафарга), он вместе с купелью выплескивает и ребенка. Парадокс: благие намерения обернулись фатализмом, упованием на всемогущество экономического движения.

Но это не случайность, не фраза, — это позиция Лафарга. Борьба за социалистические преобразования представлялась ему (как и всем гэдистам) сравнительно легкой; революция сводилась к государственному перевороту, целью которого должен быть захват политической власти и приведение ее в соответствие с уже сложившейся при капитализме социалистической экономикой. Такие сверхоптимистические выводы Лафарга покоились на тезисе об определяющей роли роста производительных сил, понимаемого как прогресс техники (не случайно термин «способ производства» употребляется Лафаргом в смысле марксистского понятия «производительные силы»): «Мы..., социалисты, предвидим конец наемного труда, этой последней формы рабства, так как мы знаем, что человек владеет железным и стальным рабом — самодвижущейся машиной» [5, т. 3, с. 208]; «Машина — великий освободитель

человечества» [5, т. 1, с. 301]; «Обществу легко будет признать коммунизм — об этом в значительной степени уже позаботилась капиталистическая цивилизация» [6, с. 184—185]. Лафарг не понял собственного движения капитализма, сущности его новой фазы развития, оказался не в состоянии диалектически разрешить эти вопросы, которые в это время ставит и успешно разрешает только В. И. Ленин.

Французский марксист высоко ценил диалектический метод — «метод Маркса», «наивысшую форму мышления», но его ценность он скорее интуитивно улавливал, нежели понимал, к тому же зачастую измеряя ее прагматически. «Метод Маркса» — это инструмент (Лафарг часто соотносит его с понятием молотка), посредством которого можно постичь истину, истина же «есть по существу лишь гипотеза, дающая наилучшие результаты при применении» [5, т. 3, с. 5]. Если для Маркса метод — что путь и результат, то для Лафарга — только результат. Именно по той причине, что принципы являлись для Лафарга исходным пунктом исследования, а не конечным результатом, как у Маркса, у него возникли столь частые механистические рецидивы (в нашем исследовании — механистический детерминизм как куколка метафизического метода).

Срывы Лафарга неоднократно отмечали основоположники марксизма. Энгельс, внимательно следивший за деятельностью своего ученика, писал: «Если бы только он (Лафарг. — А. Р.) был более внимателен к некоторым теоретическим вопросам (главным образом к деталям), то стал бы светилом в Париже, этом городе-светоче» [1, т. 36, с. 101].

Слова Энгельса оказались пророческими: Лафарг до конца своей жизни так и не смог избавиться от механицизма. К тому же в известной степени ему импонировала деятельность Ж. Гэда, понимавшего марксизм догматически, узко. Однако неверные теоретические решения по тому или иному вопросу — хотя они и связаны с нарушением законов материалистической диалектики — сами по себе еще не являются ревизионизмом. Речь может идти о заблуждении, об ошибке или системе ошибок. Лафарг ошибался. Но вся его деятельность свидетельствует о безграничной преданности делу рабочего класса, делу социального освобождения трудящихся.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Еришев А. О. Поль Лафарг — видатный теоретик марксизму. К., 1956. 4. Лафарг П. Исторический материализм Маркса. Иваново-Вознесенск, 1923. 5. Лафарг П. Соч. 6. Лафарг П. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М., 1959. 7. Момджян Х. Н. Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954. 8. Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974. 9. Протасенко З. М. Вопросы исторического материализма в трудах Поля Лафарга. Л., 1962. 10. Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА И ИСТИНА

Проблема истины, составляющая одну из сторон основного вопроса философии, является центральной в теории познания. В истории философии известно множество попыток и способов ее решения. Подавляющее большинство философов признает возможность истины, которая понимается как некое соответствие или тождество мышления и бытия, или тождество понятия и объекта. Различия заключаются в ответах на вопросы: каким путем достигается истинное знание, что именно представляет собой объект, что является критерием истинности знания? Обобщая ответы на эти вопросы, можно выделить три пути достижения тождества мышления и бытия.

1. Идеалистический путь признает объект продуктом деятельности субъекта, но, «так как идеализм, конечно, не знает действительной чувственной деятельности как таковой» [1, т. 3, с. 1], а только идеальную деятельность, то возможность достижения тождества объекта и понятия сама собой разумеется, а истина является характеристикой знания. В сфере знания изыскиваются и критерии истины.

2. Метафизический материализм понимает познание как пассивное отражение природы в сознании субъекта, происходящее вне его практически-преобразовательной деятельности, в форме созерцания. Объектом здесь является непосредственно данный фрагмент природы, субъектом — «гносеологический Робинзон», а истина достигается путем элиминации активности субъекта. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский, заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» [1, т. 3, с. 1], — писал К. Маркс.

3. Диалектический материализм связывает достижение этого тождества с взаимоотношением субъекта и объекта в практике. Диалектический материализм исходит из того, что практика является объективной основой процесса познания и объективным критерием истины. Представляется необходимым проводить эту точку зрения более последовательно, учитывая, что объект в процессе практики не только выделяется, но и изменяется, развивается, а развитие это не есть имманентное, а есть развитие под влиянием воздействий субъекта. Иными словами, необходимо полнее учитывать общественно-исторический характер объекта.

Итак, если в идеализме тождество объекта и понятия или имманентно или осуществляется путем воспроизведения объектом предшествующего ему понятия (абсолютный идеализм,

«философия техники» Фридриха Дессауера и т. п.), в метафизическом материализме тождество достигается путем воспроизведения понятием фрагмента объективной действительности, природы, то последовательно проводимая диалектико-материалистическая точка зрения требует исходить из того, что не только понятие приближается к объекту, но и объект путем практического преобразования приближается к понятию.

Тождество бытия и мышления достигается здесь путем двухстороннего асимптотического сближения посредством практики, в процессе которой объект и понятие, бесконечно сближаясь, никогда не совпадают, и каждый сохраняет свою природу. Истина, т. е. «соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем» [2, т. 18, с. 142], достигается за счет активности субъекта, имеющей две неразрывно связанные формы — практически-преобразовательную материальную деятельность, формирующую и изменяющую объект в направлении его все большего соответствия понятию, и идеальную деятельность, изменяющую понятие в направлении его все большего соответствия объекту. Необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет не только о том, что обладающий знанием человек в процессе трудовой деятельности изменяет мир, или, что развивающееся знание все вернее, полнее и глубже отражает объект. Признание этих двух положений необходимо, но недостаточно для диалектического материализма. Эти моменты должны быть дополнены признанием того, что познавательная деятельность сама является обобщенным отражением преобразовательной деятельности и поэтому может иметь некоторую самостоятельность, но лишь относительную, т. е. как Антей от матери-Земли не может отрываться надолго от почвы, на которой вырастает, — практики, не потеряв действенности и действительности. В рамках идеальной деятельности возможно выявление и осознание материала, полученного в предшествующей практике, и определенная экстраполяция знаний на будущую практику в виде ее цели. Но насколько реальна эта цель и насколько соответствует действительности полученное в результате идеальной действительности новое знание до практической проверки, остается недостаточно определенным. К. Маркс об этом писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1, т. 3, с. 1—2].

Необходимо учитывать, что знание отражает процесс произведенного преобразования природы и экстраполирован-

ное на будущее, показывает возможности будущего преобразования. Знание отражает сущность объекта как инвариантное ядро, сохраняющееся в множестве состояний объекта, реализованных в процессе его изменения субъектом, а потому при-сущее также и природному состоянию того, что в практике и познании выступает в качестве объекта. Представляется необходимым учитывать также, что объект в качестве объекта, т. е. включенный в практику, нетождествен фрагменту природной действительности, так как он изменяется в практическом процессе, а в связи с тем, что познание без практического преобразования невозможно, то отражается в знании всегда уже измененный фрагмент природной действительности, «очеловеченный» и все более очеловечивающийся, изменяющийся путем все большего соответствия понятию. Изменение объекта в качестве объекта происходит в 3-х случаях:

1) в непосредственном практическом воздействии на объект, когда изменяется его действительность, а следовательно, и связанная с ней совокупность возможностей дальнейшего его преобразования;

2) в практическом воздействии на объекты, находящиеся в каких-либо связях и отношениях с рассматриваемым. В этом случае изменяется система, в состав которой входят рассматриваемый и подвергающийся воздействию объекты, следовательно, изменяются положение, соотношение и связи рассматриваемого объекта в этой системе. А так как в качестве объекта выступает предмет как некая система связей, свойств и отношений, через которую он и существует, то изменяется и сам объект;

3) за счет развития субъекта.

На этот момент обратил внимание, в частности, Т. Кун. Вот как об этом пишет Г. А. Курсанов: «В результате научных революций — революций большого масштаба — возникает новый взгляд на мир, и, хотя, как тонко замечает Кун, мир не изменяется с изменением парадигмы, ученый после этого изменения работает в ином мире (!)» [4, с. 67].

Строго говоря, не только научные революции, но и вообще всякое изменение субъекта приводит к тому же результату. В объект, кроме действительности, входит и некая совокупность объективных возможностей его преобразования субъектом. Эти возможности входят в число всех объективных возможностей преобразования фрагмента объективной реальности, ставшего объектом, но не исчерпывает их, так как эти возможности зависят от уровня развития практики и познания, т. е. от степени зрелости субъекта, и каждой степени зрелости субъекта свойственна своя совокупность возможностей преобразования объекта. С учетом этого замечание Т. Куна получает следующий смысл: хотя мир не изменяется с изменением взгляда на

мир, но ученый после этого работает в мире с иной совокупностью возможностей преобразования, и это различие реализуется тотчас же, как только субъект вступает во взаимодействие с миром объектов. Орудие, в котором опредмечен новый уровень развития знания, вступает во взаимодействие с объектом, как измененным объектом, приближенным к понятию этого объекта. Путем такого двустороннего сближения реализуется тождество объекта и понятия, т. е. истина. Заметим, что каждой возможности, превратившейся в действительность, свойственна своя совокупность новых возможностей, и поэтому, реализуя ту, а не иную возможность, избирая наиболее удовлетворяющую его, субъект «творит» объект, вырубая его из «глыбы» возможностей и превращая некоторые из них в действительность. Этот процесс осуществляется путем сознательного выбора возможностей и их реализации, поэтому «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2, т. 29, с. 194]. Этот процесс является процессом творчества мира, так как из альтернативных возможностей может быть реализована только одна. Но это творчество ничего общего не имеет с идеалистическим творением из ничего, ибо реализуются объективные возможности, присущие самой материи.

Органичное внедрение практики в теорию познания, понимание решающей роли революционной практической деятельности в познании и преобразовании мира, неразрывного единства познания и практики приводит к признанию того, что истина достигается путем практического преобразования действительности и ее отражения в процессе этого преобразования. Именно так понимали этот момент К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Ф. Энгельс эту мысль выразил прямо: «Понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие ... и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности» [1, т. 39, с. 354]. На этот момент обращает внимание Ф. Энгельс и в «Диалектике природы»: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился *изменять природу*» [1, т. 20, с. 545]. Так же понимал этот вопрос и В. И. Ленин. В этом можно убедиться, проанализировав записи В. И. Ленина и цитаты Гегеля, на которые В. И. Ленин обратил особое внимание в «Философских тетрадах». В. И. Ленин выписывает фразу Гегеля, направленную «против субъек-

тивного идеализма и «реализма» (метафизического материализма. — В. Ф.) [см.: 2, т. 29, с. 189—190], где речь идет о том, что односторонним преувеличением является и понимание объекта как чистого субъективного конструкта, содержанием которого является субъективная идея, так и как фрагмента природы, из которого «получающиеся определения только извлекаются» (Гегель), а затем дает свою оценку того способа, каким у Гегеля снимается односторонность субъективного и объективного, т. е. достигается истина. «Очень хорош § 225 **Энциклопедии**, где «*познание* («теоретическое») и «*воля*», «практическая деятельность» изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения «односторонности» и субъективности» [2, т. 29, с. 190].

«Очень глубоко и умно! Законы логики суть отражение объективного в субъективном сознании человека» [2, т. 29, с. 165], — оценивает В. И. Ленин фразу Гегеля: «Сама субъективность, будучи диалектична, прорывает свой предел и, пройдя через умозаключение (практику. — В. Ф.), раскрывается в объективность» [3, т. 1, с. 379] и в дальнейшем дважды развернуто подчеркивает ту же мысль.

«Для Гегеля *действие*, практика есть *логическое заключение*», фигура логики. И это правда! Конечно, не в том смысле, что фигура логики инобытием своим имеет практику человека (= абсолютный идеализм), а *vice versa* (наоборот. — В. Ф.): практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [2, т. 29, с. 198; см. также с. 172—173].

Учитывая замечание В. И. Ленина о соотношении Гегеля и диалектического материализма: «Объективный и еще более абсолютный идеализм зигзагом и кувырком подошел **вплотную** к материализму, частью даже *превратился в него*» [3, т. 29, с. 250], а также его многочисленные указания на зачатки исторического материализма у Гегеля, относящиеся как раз к пути достижения истины, можно сделать вывод, что приведенные выше положения не исключают и еще одного понимания, а именно: когда имеются налицо материальные объекты, отражаемые понятиями, и с этими объектами производятся практические операции, обобщенными отражениями которых являются логические операции, то полученный результат будет «инобытием», «материализацией» идеи, т. е. в результате имеется налицо преобразование объекта в сторону его большего соответствия понятию, реализация идеи.

Гегель обращает внимание еще на один момент: «Идея есть истина, ибо истина состоит в соответствии объективности понятию; а не в соответствии внешних предметов моим представлениям; последнее есть лишь *правильное* представление» [3,

с. 400]. Материалистическое истолкование этой фразы приводит к выводу, что тождество понятия объекту в его наличном бытии не есть еще истина. Истина достигается тогда, когда в понятии отражается вся совокупность возможностей преобразования объекта. Другими словами, категория «объект» выражает не одно из возможных состояний фрагмента объективной реальности в сфере практики, а всю совокупность таких состояний, и отражением именно такого объекта должно быть понятие. Анализируя соответствующее место из Гегеля, В. И. Ленин замечает: «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (особо для себя существующими. — Ред.). *Лишь в их совокупности...* и в их *отношении...* реализуется истина» [2, т. 29, с. 178]. Эту же мысль В. И. Ленин подчеркивает и фразой: «Развертывание всей совокупности моментов действительности NB = сущность диалектического познания» [2, т. 29, с. 141].

Отсюда ясно, что практически реализуя возможности преобразования объекта, субъект развертывает все более полно совокупность моментов действительности (или возможных состояний) и тем самым приближает объект к понятию. В этом процессе происходит и конкретизация понятия, так как в нем отражается возросшее многообразие действительности объекта. Но, конечно, из всего многообразия возможностей объекта субъект стремится найти и реализовать именно те, которые в наибольшей степени способны удовлетворить его потребности, и, реализуя их, приближает объект к понятию. Таким образом, понятие все более полно отражает действительность, а действительность следует за понятием, в результате чего и происходит процесс преобразования мира. Конкретным примером, иллюстрирующим вышеизложенные понятия, служит реализация научно обоснованных экономических и социальных программ, например, государственных планов в СССР, когда идеальные программы становятся объективной действительностью и, вместе с тем, развивается сущность реального социализма в сторону большей адекватности его понятию. Это особенно характерно для развитого социализма, развивающегося на своей собственной основе.

Вся человеческая практика и является процессом достижения истины за счет преобразования объекта в направлении его все большего соответствия понятию, а результатом ее является преобразованный, очеловеченный мир. К. Маркс писал по этому поводу: «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как за-

кон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» [1, т. 23, с. 189]. Заметим, что материализованной идеей является как раз орудие. Развитие объекта заключается, следовательно, во все большей его способности реализовать человеческую цель, во все большем его превращении в орудие, средство власти человека над природой.

«В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей», — писал Гегель. Это высказывание В. И. Ленин характеризует как зачатки исторического материализма у Гегеля [см.: 2, т. 29, с. 171—172]. В самом деле, речь здесь идет о том, что объект, будучи обработан с помощью орудия, реализующего определенную человеческую цель, сам приобретает некую способность к реализации дальнейших человеческих целей, т. е. превращается в орудие.

Представляется очень интересным проследить, как перекликаются высказывания Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина по этому вопросу. Анализируя знаменитое положение Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно», Ф. Энгельс отмечает, что оно означает, в частности, что «все, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности» [1, т. 21, с. 275].

Каким образом осуществляется реализация идеи? В. И. Ленин истолковывает Гегеля: «Деятельность цели (иначе, практическая активность субъекта, реализующего цель. — В. Ф.) направлена не на себя самое..., а на то, чтобы посредством уничтожения определенных (сторон, черт, явлений) *внешнего* мира *дать себе реальность в форме внешней действительности*» [2, т. 29, с. 195]. А выписав фразу Гегеля: «Если налицо все условия некоторой вещи, то она вступает в существование...», — отмечает: «Очень хорошо! причем тут абсолютная идея и идеализм?» [2, т. 29, с. 132]. В. И. Ленин отмечает тем самым, что переход идеи в действительность возможен, но при наличии соответствующих объективных условий. А так как эти условия сами могут выступать в виде более приближенных целей действительности, то путем поэтапной реализации этих промежуточных целей, т. е. путем сознательного создания соответствующих условий, которые, будучи реализованными, становятся так же объективны, как и естественно сложившиеся, возможно реализовать любую разумную, т. е. необходимую цель. Разумеется, в условиях отрыва теории от практики вследствие разделения труда, превращение идеального в материальное осуществляется через несколько опосредствующих звеньев, поэтому одним из важнейших условий минимизации пути и цели является теснейшая связь теории с практикой. Эти практически

используемые К. Марксом и Ф. Энгельсом положения В. И. Ленин конкретизирует, разрабатывая учение о революционной ситуации (т. е. совокупности условий пролетарской революции) и руководя работой партии по превращению народных масс в действительный субъект исторического процесса, способный претворить в действительность идею социалистического общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975, с. 51—451. 4. Курсанов Г. А. Парадоксальность истины. — Вопросы философии, 1977, № 6, с. 60—70.

А. К. ЧАПЛЫГИН

ЛЕНИНСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСТВА

Особенности развития марксистско-ленинской теории и практика коммунистического строительства в нашей стране на современном этапе выдвигают социальную типологию личности в ряд важнейших направлений анализа общественных явлений. Значение решения проблемы возрастает в свете указания XXV съезда КПСС о необходимости строить воспитательную работу «с учетом особенностей различных групп трудящихся» [4, с. 74].

В имеющихся публикациях социальная типология, как правило, рассматривается на уровне общественно-экономической формации или человеческого общества в целом с учетом этапов его развития. Исследованы такие вопросы, как развитие В. И. Лениным марксистского учения о социальной сущности личности, соотношения личности и общественных отношений и места социального типа личности в этой связи. Рассмотрены основные принципы типизации в ходе конкретного исследования В. И. Лениным типов личности буржуазного общества и периода социалистической революции, гражданской войны [см.: 5; 6; 7; 9].

Но в работах по исследованию социалистического типа личности нет пока единого взгляда на специфику социально-типологического анализа, его место в ряду подходов к личности, не анализируются особенности внутриклассовых групп и прослоек социалистического общества. В новой Конституции СССР записано, что в нашей стране «На основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ» [3, с. 5]. По мнению Г. Л. Смирнова, изучение многообразия, существующего в рамках общих свойств социалистического типа личности, «выступает как одна из важнейших

задач исследования проблем развития общества вообще и нового человека прежде всего» [9, с. 257].

Обращение к теоретическому наследию В. И. Ленина в связи с исследованием социальной типологии личности студента дает возможность выделить те аспекты ленинского подхода, которые еще недостаточно изучены.

Уже в первых своих произведениях В. И. Ленин уделял большое внимание разработке теории личности, основополагающих принципов и сущности социальной типологии. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» дана характеристика переворота, совершенного К. Марксом в области изучения социальных явлений. Выделение производственных отношений в качестве определяющих, понятие общественно-экономической формации и взгляд на развитие и смену формаций как естественно-исторический процесс — вот основные теоретические положения, характеризующие, по мысли В. И. Ленина, марксистскую социологию [см.: 2, т. 1, с. 139].

Разработка периодизации истории общества позволила решить вопрос о соотношении личности и общественных отношений. Развивая известный тезис К. Маркса о том, что сущностью человека является «совокупность общественных отношений» [1, т. 3, с. 3], В. И. Ленин писал: «... социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения» [2, т. 1, с. 424].

Согласно марксовому пониманию, развитому В. И. Лениным, личность представляет собой органическое единство общественного и природного, общего и индивидуального. Каждая личность неповторима благодаря наличию у нее присущих только ей черт, свойств и своеобразному сочетанию ее социальных качеств. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что поскольку наряду с природными и индивидуальными качествами личность воплощает в себе социальные свойства, присваивает определенный спектр общественных отношений, постольку она представляет собой определенный социальный тип. «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут, — писал В. И. Ленин. — Но социальные типы остаются» [2, т. 36, с. 207].

Опираясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин указывал, что теория классовой борьбы довершает общее стремление социологии сводить элементы индивидуальности к социальным источникам. Данная теория впервые провела это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возвела социологию в степень науки [см.: 2, т. 1, с. 428]. Таким образом, каждый отдельный индивид присваивает себе определенную часть общественных отношений. Тем самым данная

личность представляет собой социальный тип и посредством этого промежуточного звена связана с сущностью человека вообще.

Марксистско-ленинская типология личности представляет собой конкретное проявление диалектико-материалистического метода в случае, когда предметом познания является личность как носитель общественных отношений или когда необходимо выяснить механизм функционирования общественных отношений в их личностном проявлении.

Имея в виду большую значимость типологического анализа в рамках исследования особенностей студенчества, мы вводим в оборот такое понятие, как социально-типологический подход к личности студента, что позволяет нам изучить механизм функционирования и характер преломления в сознании и поведении отдельной личности, социальной группы в целом системы общественных отношений и влияний ближайшей социальной среды. Наряду с этим, реализация данного подхода дает возможность проанализировать типы личности, которые формируются в результате такого взаимодействия, определить перспективы их развития, взаимоперехода, исчезновения.

Исходя из многоуровневого характера марксистского социологического знания [см.: 8, с. 34—35] и учитывая, что объектом социальной типологии могут выступать общество и составляющие его классы, социальные группы меньшей степени общности, а также отдельная личность, мы приходим к выводу, что социально-типологическое исследование на каждом из уровней имеет свою специфику, а понятие «социальный тип» — наполняется определенным содержанием.

В общеполитической и социологической литературе отдельными авторами дается различное определение этого понятия. М. Я. Корнеев, например, считает, что в гносеологическом плане социальный тип личности — это «обобщенный образ той совокупности социально-типических качеств и свойств, которая присуща вполне определенным, типичным для данного общества классовым фигурам» [5, с. 20]. Вместе с тем автор замечает, что социальный тип личности отражает, аккумулирует в себе общие черты и свойства класса, признаки и свойства личности, вытекающие из ее места в системе общественных отношений [там же, с. 27].

Методологическое значение ленинского подхода к типологии состоит в том, что В. И. Ленин не раз подчеркивал качественную определенность социальных типов. Например, исследуя процесс расслоения внутри крестьянства в русской деревне конца XIX — начала XX вв., он не ограничился дифференциацией внутри крестьянской общины, а указал на имеющиеся качественные различия внутри класса крестьян. В. И. Ленин показал, что в России происходит не просто «дифференциация» единого прежде класса, а «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения» [2, т. 3, с. 165]. В крестьянине, отмечал позже В. И. Ленин, соседствует две души — пролетарская и непроле-

тарская. При этом нужно «разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торговца, — крестьянина труженика от крестьянина спекулянта» [2, т. 39, с. 277]. Задача эта чрезвычайно сложная, ибо в жизни все свойства крестьянина слиты воедино. И все же различение не только возможно, оно необходимо, ибо «неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни» [2, т. 39, с. 277]. И далее В. И. Ленин на конкретных примерах показывает, к каким типам, опираясь на качественные критерии типологии личности, отнести тех или иных представителей данного класса общества, используя при этом и количественные показатели.

Функциональное определение понятия «социальный тип» как «совокупности основных общественных функций», выполняемых личностью в зависимости от принадлежности к социальной группе «в исторически данной системе общественных отношений» дает Б. К. Лебедев [см.: 6, с. 22]. Он считает, что в определении должны быть отражены и такие компоненты, как направленность идейно-психологических свойств личности, выраженная в активности ее поступков [там же].

Обращение к положениям В. И. Ленина, выдвинутым им при характеристике конкретных типов личности на различных уровнях общности, дает возможность сделать вывод, что во многих случаях В. И. Ленин употреблял понятие «социальный тип» как равнозначное общественному классу [см.: 2, т. 3, с. 166]. Речь здесь идет о наиболее общих признаках группы с присущими ей характеристиками в зависимости от места в исторически определенной системе общественного производства, от отношения к средствам производства, роли в общественной организации труда, того способа получения и размера доли общественного богатства, которым класс располагает [2, т. 39, с. 15].

В отдельной личности В. И. Ленин выделяет качественно определенные черты и свойства, характеризующие отношение к основным классовым и общественным идеалам и целям и вытекающие из ее классовой и групповой принадлежности, а также характер преломления этих свойств в сознании и поведении личности [см.: 2, т. 4, с. 268, т. 20, с. 40].

Социальный тип личности — это качественно определенная совокупность наиболее характерных свойств и черт социальной группы или личности, отражающая единство личности и общественных отношений. Это понятие можно также рассматривать как «способ осуществления человеком различных видов деятельности» [9, с. 54].

Методологическое значение ленинской типологии заключается также в том, что В. И. Ленин разработал важные положения о структуре социального типа личности. Он не раз отмечал, что объективные социальные условия не являются

единственным источником формирования типов личности. В значительной степени это зависит также от отношения человека не только к условиям своей жизни, но и к общественным идеалам и ценностям. В этом отношении классическим является высказывание В. И. Ленина о том, что раб, живущий в одних и тех же условиях, но по-разному относящийся к своему рабскому положению, представляет собой совершенно разные типы: «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам» [2, т. 16, с. 40].

Для нас важен вопрос о наличии в структуре типа личности таких моментов, как социальная активность, а также направленность этой активности в соответствии с прогрессивными идеалами или вопреки им. Обращение к ленинским идеям позволяет в соответствии с задачами социально-типологического подхода представить структуру социального типа личности студента в виде единства субъективных и объективных характеристик. Среди них наиболее важными являются особенности образа жизни студентов. Кроме того, для структуры типа важны как характер ценностных ориентаций и степень социальной активности, так и направленность активности личности. При этом в социальном типе в диалектическом единстве существует внешнее (общественные отношения) и внутреннее (преломление их в сознании личности), проявляющееся в поведении, деятельности личности.

Сама по себе деятельность без соотнесения ее с основными параметрами отдельной личности и существующими в обществе нормами, ценностями, идеалами не может служить мерой типологических характеристик личности. Таким фактором является социальная активность личности. Деятельность — это форма и способ проявления активности, которая, в свою очередь, выступает мерой деятельности, ее качественно-количественной характеристикой.

Соотношение различных качественных ступеней активности деятельной личности с количественными ее характеристиками и образуют уровни социальной активности личности, а следовательно, уровни воплощения типологических особенностей. Это дает возможность говорить об иерархии социальных типов личности в зависимости от степени воплощения в них сущностных характеристик [см.: 9, с. 54].

В. И. Ленин много внимания уделял характеристике студенчества буржуазной России как одного из отрядов русского революционного движения. Программным документом, выражающим отношение партии большевиков к студенчеству, яв-

ляется статья «Задачи революционной молодежи», где дан образец ленинского анализа типов личности студентов в зависимости от их социально-политических характеристик. В. И. Ленин называет шесть таких групп: реакционеры, равнодушные, культурники, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы. Классовое деление студенчества является самым глубоким основанием политической группировки. Но это вскрывается лишь по мере исторического развития и по мере роста сознательности участников и творцов этого развития. Студенчество не отрезано от общества, и долг революционеров — добиваться размежевания разнородных групп в его среде [2, т. 6, с. 344, 355].

Положение о классовой обусловленности социальной типологии студенчества представляет собой один из важнейших методологических принципов такого исследования и является конкретизацией принципа классового подхода к явлениям, как важнейшего принципа марксистско-ленинского социального исследования. Для нас также важен вывод В. И. Ленина о дифференцированном подходе в воспитательной работе с различными группами трудящихся.

Беря в основу общие принципы марксистской теории социальной типологии личности, В. И. Ленин подвергает тщательному анализу всю совокупность имеющихся фактов и затем по научно обоснованным критериям проводит типологизацию различных общностей людей, начиная от основных классов общества и кончая отдельной, конкретной личностью.

Применительно к анализу характеристик социальных типов личности студентов использование ленинского подхода дало возможность в ходе конкретно-социологического исследования, опираясь на достоверные факты, выделить тот спектр общественных отношений, в которых действует данная группа. При этом было учтено непосредственное и опосредованное влияние отношений, складывающихся в обществе в целом. Затем определялись основные классовые и групповые признаки объекта исследования в зависимости от уровня рассмотрения проблемы и специфики объекта исследования. Это дало возможность построить теоретическую модель типов личности студента как носителя общественных отношений, как выразителя интересов социальной группы.

Реально существующие личности, о которых мы имеем достоверные данные, были соотнесены с типами. Это позволило выделить и зафиксировать в конкретной личности социально значимые черты и отбросить второстепенные. Такое обобщение признаков на основе идеальной теоретической модели и по теоретически обоснованным критериям дало возможность представить типологическую структуру социальной группы.

Подводя итог, можно сказать, что ленинский анализ социальной типологии личности является методологической основой

изучения социально-типологических особенностей студенчества не только в плане разработки принципов и сущности типизации.

Анализ конкретных приемов социальной типологии на различных уровнях общества в произведениях В. И. Ленина позволяет также получить ответы на такие важные вопросы, как структура социального типа личности, содержание понятия «социальный тип», выделить основные этапы процесса типизации, определить направления дифференцированного подхода к воспитательной работе с отдельными типологическими группами студенческой молодежи, представить этот процесс как единство воспитательных воздействий и социальной активности личности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1977. 4. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 5. Корнеев М. Я. Проблемы социальной типологии личности. Л., Изд-во ЛГУ, 1971. 6. Лебедев Б. К. Социальный тип личности (теоретический очерк). Изд-во Казанского ун-та, 1971. 7. Лебедев Б. К. Исторические формы социальных типов личности (социально-философский аспект). Изд-во Казанского ун-та, 1976. 8. Очерки методологии познания социальных явлений. М., Мысль, 1970. 9. Смирнов В. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., Политиздат, 1971.

А. Н. ПОСТУПНОЙ

К ВОПРОСУ О ЕМКОСТИ И СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИИ «ХОЗЯИН ПРОИЗВОДСТВА»

В условиях развитого социализма все большее значение приобретает использование в коммунистическом строительстве «человеческого фактора», т. е. той большой потенциальной созидательной энергии масс, которая должна быть адекватна всем поставленным задачам. «Чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, — указывал В. И. Ленин, — тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в решении этих задач» [2, т. 36, с. 446]. Это и предопределяет возрастание интереса исследователей к целому кругу вопросов, связанных с ростом активности различных социальных групп трудящихся, и прежде всего — производственной активности рабочего класса.

Рост производственной активности советских рабочих на современном этапе привлекает внимание наших исследователей к выявлению тех внутренних механизмов, которые в конечном счете и обуславливают ее наличие. В литературе выделяют три фактора, которые влияют на формирование отношения к труду как к потребности или осознанной необходимости и ле-

жат в основе этой активности: материально-технический, социально-экономический и личностные данные рабочего.

Если воздействие материально-технических условий и, в первую очередь, функционального содержания труда получило достаточно полное теоретическое обоснование, то влияние социально-экономического фактора,— а большинство исследователей именно ему отводят ведущую роль,— изучено недостаточно [см.: 6, с. 238].

В связи с этим большой интерес представляют исследования по проблеме формирования у рабочих чувства и качества «хозяина» социалистического производства, рассматривающего важнейшее направление реализации завоеваний социализма, превратившего трудящихся в совладельцев общенародной собственности. В работах Л. П. Бугеовой, Ю. Е. Волкова, Е. А. Галагана, В. И. Мухачева, Ю. Я. Червякова [см.: 6; 7; 10; 12; 14] рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся этой проблемы.

Однако многое требует более глубокой разработки. Это относится прежде всего к исследованию сущности, объема и внутренней субординации элементов, составляющих целостность категории «хозяин производства». Все это выдвигает задачу уточнения методологических основ проблемы, тем более что широта уже исследованных явлений не только требует этого, но и создает необходимые предпосылки.

Все исследователи единодушны в том, что хозяином может быть только субъект собственности. При этом часть авторов отождествляет их, считая, что последний всегда хозяин, независимо от того, насколько «по-хозяйски» он относится к собственности. Наиболее последовательно проводит эту точку зрения Е. А. Галаган, утверждая, что в условиях социализма рабочий является хозяином производства даже тогда, когда своими действиями наносит ему ущерб, ибо «объективно рабочий все же остается совладельцем средств производства: т. е. его хозяином» [10, с. 138].

В то же время анализ работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, партийных документов, выступлений руководителей КПСС и Советского правительства делает более аргументированной позицию авторов, считающих, что «хозяйское отношение» — это такое отношение, которое проявляется в деятельности по приумножению и бережному использованию собственности [см.: 12, с. 48—49].

Поэтому, на наш взгляд, хозяина можно определить как субъекта собственности, которому присуще положительное (с позиций данной собственности) выполнение его функций. Под последними подразумеваются «постоянные и эпизодические обязанности, задачи, которые необходимо выполнять, чтобы производство функционировало успешно» [9, с. 7]. Рассмотрим важнейшую функцию владельца производства (ибо она оказалась вне поля зрения большинства исследователей): подчинение воли всех участников производственного процесса цели производства. Как известно, внутренним источником всякой

человеческой деятельности является потребность. «Никто не может сделать что-нибудь, — указывал К. Маркс и Ф. Энгельс, — не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...» [1, т. 3, с. 245]. И это не зависит от того, «порождаются ли они, например, желудком или фантазией» [1, т. 23, с. 43]. В полной мере относится это и к труду — специфически человеческому виду деятельности. Причем источники его могут быть как внутренние, так и внешние. К внутренним относятся потребность в самом процессе труда как игре «физических и интеллектуальных сил» [1, т. 23, с. 189] и нужда в продуктах труда. К внешним — различные виды принуждения.

Рассмотрим первое. Применительно ко всем докоммунистическим формациям можно сказать, что хотя потребность в труде проявляется уже и здесь, но ее влияние слабо, эпизодично и не играет сколь-нибудь существенной роли в побуждении трудовой активности людей [см.: 1, т. 46, ч. II, с. 110]. Что же касается труда, побуждаемого потребностью работника в его продуктах, то он возможен лишь при условии, что продукты принадлежат ему, т. е. когда производитель является не только творцом, но и собственником продукта. А последнее вытекает из собственности на средства производства.

Член первобытного общества, свободный крестьянин и ремесленник, средний и даже крупный собственник, участвующие в производстве, черпают энергию для участия в нем во владении (для члена первобытного общества — в совладении) материальными факторами производства и продуктами труда. Для каждого из них наличие этой связи — необходимое и достаточное условие, побуждающее их трудовую деятельность. И хотя по своему содержанию она еще далека от того, чтобы стать «игрой физических и интеллектуальных сил», но все же воспринимается как осознанная необходимость.

Но во всех докоммунистических формациях (исключая первобытное общество) большинство непосредственных производителей не являлось владельцами средств производства и произведенного ими продукта, а значит не имело внутренней потребности в данной деятельности. Побуждение к труду для них могло быть только внешним. Как отмечал К. Маркс, «в исторических формах труда, — таких, как рабский, барщинный, наемный труд, — труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является трудом по принуждению...» [1, т. 46, ч. II, с. 110]. Принудительный труд не только гасит творческую активность, но всегда требует непроизводительных затрат на организацию системы принуждения.

Вместе с тем в его основе лежит потребность. Как известно, любое производство существует постольку, поскольку удовлетворяет потребности общества в его продукции. Специфика проявлений этой зависимости в эксплуататорском обществе заклю-

чается в том, что «удовлетворение действительных общественных потребностей, равно как и удовлетворение потребностей непосредственных производителей, осуществляется теперь в той мере, в какой это соответствует потребностям господствующего класса..., основным стимулом и активным движущим фактором всей системы социальной деятельности выступают потребности господствующего класса, который владеет или распоряжается личным и вещественным факторами производства» [11, с. 11—12]. Однако здесь, в отличие от рассмотренного ранее случая, «движущий фактор» хозяина производства проявляется не в непосредственно трудовой деятельности, а в принуждении к ней других. Независимо от формы принуждения (экономическое или нет, приводит его владелец производства лично или через других) оно является важнейшей функцией владельца производства. От его эффективности зависит качество и количество труда непосредственных исполнителей, а значит, и степень удовлетворения его потребностей.

Любой производственный процесс, в котором труд не является потребностью для его участников, представляет собой деятельность (независимо от числа в ней участвующих), обусловленную потребностью его владельца. Поэтому главное здесь то, что владелец всегда выступает субъектом побуждения к выполнению всех функций производства и тогда, когда выполняет их сам, и тогда, когда принуждает к этому других. Полнота воплощения этой функции и характеризует уровень наличия у владельца качества хозяина. По существу это базисная по отношению к другим функция владельца производства. Передавая другие (вначале непосредственно трудовую, а затем и большую часть управленческой) своим подчиненным, эту он всегда оставляет за собой.

Вместе с тем в условиях капитализма одной из задач хозяина производства стало стремление скрыть эту роль, попытаться привить рабочим сознание того, что они являются хозяевами производства. И это не случайно. Положительное решение этой задачи дало бы владельцу производства огромную материальную выгоду за счет разности в эффективности свободного труда и труда по принуждению. Поэтому самые разнообразные меры, начиная от «распыления акций» и кончая сложнейшими системами «участия в прибылях», направлены на формирование у рабочих капиталистических предприятий чувства хозяина «своего» предприятия. Но все эти попытки не могут дать сколько-нибудь значительного успеха, поскольку чувство хозяина производства рождается вместе с появлением собственности на средства производства. Не изменив коренным образом этой основы, нельзя решить и поставленную задачу.

Социалистическая революция ликвидирует частную собственность на основные средства производства и передает их в собственность государства, которое и выполняет роль хозяина

общенародной собственности. Об этой черте социализма В. И. Ленин писал: «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства...» [2, т. 33, с. 101]. В отношениях государства и рабочих, в отличие от отношений хозяина и исполнителя в любом эксплуататорском обществе, хотя и сохраняется известное противоречие, но оно уже не носит антагонистического характера: государство выражает коренные интересы всех трудящихся, а они являются совладельцами общенародной собственности. Это и создает объективную основу для формирования у них хозяйского отношения к производству. Причем строительство нового общества не только делает этот процесс возможным, но, как подчеркивал В. И. Ленин, — необходимым [см.: 2, т. 36, с. 369; 2, с. 36, с. 466]. Разработанные Лениным принципы явились теоретической основой той огромной работы, которую проводили и проводят партийные и общественные организации, государственные органы и трудовые коллективы по формированию советских рабочих как хозяев социалистического производства. Отмечая большие достижения в этой области, нельзя согласиться с исследователями, которые считают, что уже в переходном периоде это качество стало достоянием большинства рабочих [см.: 8, с. 95].

Рабочий класс является главной производительной силой общества. Его роль и место в обществе определяется, в первую очередь, его трудовой деятельностью. Но сам труд для большинства еще не стал потребностью. Как известно, это будет присуще лишь зрелому коммунизму [см.: 3, с. 62]. Имеющиеся элементы отношения к труду как к потребности не в силах пока исключить необходимость внешнего принуждения. Поэтому «государство, — как это зафиксировано и в новой Конституции СССР, — осуществляет контроль за мерой труда и потребления», проводит принцип «от каждого — по способностям, каждому — то труду» [4, с. 10]. Но этот принцип, указывал В. И. Ленин, «тоже форма принуждения» [2, т. 33, с. 186], т. е. при всем коренном отличии, которое разделяет труд рабочих в капиталистическом и социалистическом обществе, и последний не лишен некоторых недостатков, свойственных труду по принуждению. Поэтому формирование у рабочих качества хозяина производства предполагает прежде всего перенесение побуждения к труду из области внешнего принуждения во внутреннюю мотивацию, превращение его в осознанную необходимость. Иными словами, — это переход важнейшей функции хозяина производства от современного ее носителя — государства — к непосредственным производителям, т. е. рабочим.

Конечно, формирование данного качества — длительный процесс восхождения от низшего к высшему. Но представляется целесообразным соблюдение одного требования: определять личность, коллектив как хозяина можно тогда, когда для

выполнения своих важнейших функций они не требуют наличия еще одного хозяина, который принуждает их к этой деятельности и по сути является единственным реальным хозяином. На данном же этапе принудительная функция государства, проводимая через социалистический принцип распределения, сохраняет свое значение. И отказаться от этого принципа, «перескочить через него при современном уровне экономического развития и сознательности людей, — говорил Л. И. Брежнев, — невозможно» [5].

Важным является и вопрос об основных проявлениях качества хозяина производства у советских рабочих. Большинство исследователей судит о наличии и уровне этого качества по степени участия рабочих в управлении производством, считая, что последнее — главная сфера проявления качества хозяина. В работах Ю. Е. Волкова, В. И. Мухачева, Ю. Я. Червякова и других вывод о количественной и качественной характеристике хозяйского отношения к производству у отдельных категорий рабочих делается на основе анализа одной сферы управления [см.: 7; 12; 14]. Понимая значимость участия рабочих в управлении, все же необходимо уточнить — насколько полно последнее характеризует хозяина?

Цель хозяина всегда связана с конечным продуктом, по отношению к которому функции — каждая в отдельности и все вместе — это только средство достижения цели. Хозяин производства может выполнять их все или ограничиться частью, имея в виду, что остальные функции будут выполнены другими под его руководством. Причем деятельность хозяина в таком случае чаще всего и сводится к организации принуждения последних.

Именно в такой постановке мы вправе сказать, что функция социалистического государства как хозяина общенародной, собственности — управление ею. Однако этого нельзя сказать в отношении рабочего, ибо специфика рабочего как хозяина социалистического производства состоит в том, что в управлении он не обязательно может участвовать, но он не может не участвовать в непосредственно трудовой деятельности. Поэтому выполнение им роли хозяина производства — это не столько расширение его функций за счет сферы управления, сколько выполнение своих профессиональных обязанностей без принуждения со стороны государства.

Все это позволяет утверждать, что рабочего, которому присуще качество хозяина производства, характеризует выполнение им по внутреннему побуждению всех исполнительских и управленческих задач, осознаваемых как необходимые для производства и возможные для выполнения в данных условиях.

Процесс формирования у рабочих качества хозяина представляет собой целенаправленное воздействие на личность рабочего. В связи с этим одним из исходных моментов его

исследования является определение места этого качества в структуре самой личности. По мнению большинства авторов (Ю. Е. Волков, В. И. Мухачев, Ю. Е. Червяков и др.), проблема формирования рабочего—хозяина социалистического производства представляет собой воспитание «чувства хозяина», которое трактуется как «элемент сознания», «осознание индивидом... своей роли хозяина в сфере производственной деятельности» [14, с. 49; см.: 7, с. 172]. Однако при таком подходе не учитывается реализация этого качества в практической деятельности. Поэтому можно согласиться с Е. А. Галаганом, утверждающим, что чувство хозяина производства генетически предшествует формированию качеств хозяина» [10, с. 13]. Но и выдвигаемая им новая категория — «качества хозяина» (трактуемая как черты, свойства данного субъекта) дает представление о возможности личности участвовать в управлении и в меньшей степени затрагивает вопрос — что побуждает ее к этому [см.: 10, с. 10, 53, 61 и др.].

Мы исходим из того, что категория, адекватно отражающая сложную по своей структуре сущность хозяина, не может быть ограничена сферой познания («чувство хозяина») или анализом деятельности («качества хозяина»). Каждая из этих категорий отражает существенные стороны хозяина: с одной стороны, «... все, что побуждает человека к деятельности, — указывал Ф. Энгельс, — проходит через его голову...» [1, т. 21, с. 290], а с другой, — подчеркивал В. И. Ленин, — сущность хозяина неотделима от его деятельности [см.: 2, т. 36, с. 466]. Но каждая из них охватывает лишь отдельную сторону, тогда как сущность хозяина представляет их единство.

В какой-то степени наличие этой органической связи учитывается в ссылке многих исследователей на то, что сущность хозяина производства может быть описана через категорию «социальная роль». Однако и с последним нельзя согласиться полностью: исполнение роли принято рассматривать как навязанное извне, тогда как хозяина характеризует внутренняя обусловленность его деятельности.

На наш взгляд, качество хозяина полнее всего раскрывается через категорию «ценностные ориентации», трактуемую как «направленность сознания на определенные ценности, обуславливающие деятельность субъекта в соответствии с этими ценностями» [13, с. 11—12]. В связи с этим и проблему формирования у советских рабочих качества хозяина производства можно представить как формирование у них ценностных ориентаций на свою непосредственную деятельность в сфере производства. Использование имеющихся возможностей (даже не вылившееся в формирование качества хозяина производства у большинства рабочих, поскольку это задача более длительной перспективы) дало бы ощутимый приток трудовой актив-

ности советских рабочих, ускорило бы решение важнейших задач коммунистического строительства.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 3. Программа КПСС. М., Политиздат, 1973. 144 с. 4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1977, 62 с. 5. *Брежнев Л. И.* О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. М., Правда, 1977, 5 окт. 6. *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., изд-во Моск. ун-та, 1968. 268 с. 7. *Волков Ю. Е., Мухачев В. И.* Активность рабочих в системе управления общественным производством. — В кн.: Активность личности в социалистическом обществе. М., Наука, 1976, с. 172—184. 8. *Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л.* Рабочий класс — ведущая сила советского общества. Вопросы методологии и историографии. М., Мысль, 1977. 344 с. 9. *Вяткин Г. В.* Рабочие в управлении. М., Экономика, 1972. 48 с. 10. *Галаган Е. А.* Формирование личности рабочего социалистического производства. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Днепропетровск, 1973. 197 с. 11. *Маргулис А. В.* Конкретно-исторический характер взаимосвязи деятельности и потребности общества. — Философские науки, 1977, № 2, с. 7—17. 12. *Мухачев В. И., Боровик В. С.* Рабочий класс в управлении производством. М., 1975. 63 с. 13. *Фомина Л. П.* Понятие и типы ценностных ориентаций. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Ленинград, 1976. 21 с. 14. *Червяков Ю. Я.* Формирование чувства хозяина у советских рабочих на современном этапе. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Свердловск, 1971. 245 с.

Л. П. КУСТАРЕВА

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ «ИНТЕГРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»

Важнейшей составной частью великого дела строительства коммунизма является всестороннее развитие культуры. «Культура коммунизма, — говорится в Программе КПСС, — вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой высшей ступенью в культурном развитии человечества» [3, с. 130].

Развитие социалистической культуры требует сочетания критического использования ценных достижений буржуазной культуры с непримиримой борьбой против реакционной культуры современного капиталистического общества. Современная культура и искусство стали ареной острой идеологической борьбы, в которой, подчеркнул Л. И. Брежнев, «не может быть места нейтралizmu и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям» [2, с. 74].

Современную духовную жизнь человечества можно охарактеризовать двумя главными тенденциями. Первая из них — это интенсивный процесс культурного сближения народов, стремление к развитию культурных связей и контактов; вто-

рая—обострение идеологической борьбы. В условиях разрядки международной напряженности самой распространенной концепцией так называемого интеллектуального антикоммунизма стала теория культурной конвергенции. Сторонники этой теории утверждают, что развитие культуры в эпоху научно-технической революции приведет к сближению буржуазной культуры и социалистической, к созданию «интегрального» типа культуры и в конечном счете к стыковке капитализма и социализма. На теорию «культурной конвергенции» возлагают большие надежды «как дипломированные идеологи монополистического капитализма, ведущие остервенелую борьбу против коммунизма, так и те либерально настроенные буржуазные мыслители, которые искренне желают мирного сосуществования народов» [7, с. 47].

Важно отметить, что многовариантность теории конвергенции, а также внешняя видимость правдоподобия некоторых ее положений делают эту теорию опасным идеологическим оружием. Можно выделить два основных направления, которые существуют среди сторонников теории конвергенции в трактовке путей создания «интегрального» общества. Представители крайне правых кругов делают ставку на усиление реакции, прямую вооруженную борьбу с силами прогресса. Другая, более значительная часть буржуазных идеологов, предпочитает гибкую тактику. Профессор Корнельского университета в США Олвин Тоффлер, например, считает, что «супериндустриальная революция» сведет противоречие между капитализмом и социализмом «к сравнительно малозначимому» [8, с. 276].

Идеологическая борьба в сфере культуры — это важнейший участок классовой борьбы. Л. И. Брежнев отметил: «...Ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглушение масс, на притупление их общественного сознания. Борьба против ее развращающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов» [4, с. 401].

Особо важное значение приобретает сегодня аргументированная, научно обоснованная критика буржуазных концепций «массовой культуры», «культурной конвергенции», «контркультуры», «интегральной культуры». Марксистско-ленинскую теорию культуры следует рассматривать как эффективное надежное оружие в нашей борьбе против буржуазной культуры и идеологии.

В различных теориях трансформации современного капитализма «массовая культура» стала обязательным составным элементом. Так, профессор социологии Колумбийского университета Дэниэл Белл, например, считает, что «нарастающее национальное общество объединяется прежде всего народной культурой» [см.: 11]. Белл много говорит об общедоступности искусства, о массовости аудитории, часто использует такие слова, как «революция», «народный», «массовый», но при этом истинный смысл понятий

искажает, вкладывает в них иное содержание. Так, революцией в книгопечатании он называет переход к выпуску дешевых книг в мягких обложках и к сбыту их в кондитерских и табачных киосках. Аргументы Д. Белла показывают, что теория «массовой культуры» является приложением к более общей концепции «массового общества».

Факты заставляют буржуазных идеологов признать определенные успехи и достижения культуры социализма. Но в целом прогресс культуры они связывают только с культурной конвергенцией, с созданием «интегрального типа культуры». П. Соркин пишет: «Господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип *suí generis*, который мы можем обозначить как интегральный тип» [9, с. 371].

Буржуазные идеологи пытаются выдать «массовую культуру» за тот образец культуры будущего, к которому приведет развитие культуры во всех странах, ставших на путь индустриального развития. Б. Розенберг в работе «Массовая культура в Америке» утверждает, что современная техника — необходимое и достаточное условие существования массовой культуры. Ни национальный характер, ни экономический уровень, ни политический строй не имеют здесь решающего значения. Единственное, чтонастоящему важно, это происшедшая совсем недавно научно-техническая революция. На этой основе, по мысли Розенберга, в наше время сформировалась база для международного братства людей, на его, так сказать, низшем уровне [см.: 6, с. 254].

Одной из актуальнейших проблем сегодняшнего дня является исследование воздействия научно-технической революции на различные стороны жизни общества, в том числе на культуру и искусство. Некоторые буржуазные идеологи причину кризиса современной буржуазной культуры видят в развитии научно-технического прогресса. С широким распространением средств массовой коммуникации они связывают и духовное разложение общества, и рост преступности среди несовершеннолетних, и ухудшение эстетических вкусов, так как вместо настоящего искусства средствами массовой коммуникации часто распространяются псевдохудожественные произведения. Другие (Маршал Маклюэн, например) считают, что средства массовой коммуникации не только порождают новый тип культуры, но и «перестраивают схемы социальной взаимозависимости» [6, с. 254].

Обе эти тенденции базируются на отрицании того факта, что последствия научно-технической революции определяются прежде всего социальной природой общества.

В эпоху НТР средства массовой коммуникации получили широкое распространение как в капиталистическом, так и в социалистическом мире. Но из этого не следует, что «массовая культура» является закономерностью развития всей человеческой культуры. Средства коммуникации сами не определяют содержания той информации, которая передается по их кана-

лам. Практика использования средств массовой коммуникации в странах социализма убедительно показывает огромные культурно-просветительные и воспитательные возможности прессы, радио, телевидения, кино.

В рассуждениях буржуазных идеологов об «интегральном типе культуры», о «свободном обмене» идеями и культурными ценностями сказывается, во-первых, потребительский подход к культуре, подчиняющий ее законам рыночной экономики, во-вторых, — стремление подвести теоретическую основу под идеологические диверсии, под распространение стандартов «массовой культуры».

Создавая типы «интегральной культуры», буржуазные идеологи не только игнорируют идеологическую основу и классовое содержание культуры, но и мистифицируют сущность «массовой культуры». «Массовая культура» не является культурой масс, так как своей коммерческой основой, идейным содержанием она чужда народу. Культурные потребности трудящихся в условиях капиталистического общества извращаются, искусственно ограничиваются и сводятся до уровня стандартов «массовой культуры». Эта культура, ориентируясь на неразвитые вкусы, активно формирует своего потребителя, прививает широким массам потребительское отношение к культурным ценностям, потакает низменным инстинктам, садистским наклонностям. Потребительство выражается в «вещизме» — мещанском культе вещей, в накоплении фетишей «массовой культуры», в торгашеском отношении к культурным ценностям, когда произведения искусства становятся просто предметами спекуляции.

«Массовая культура» дает возможность не только производить по определенному образцу эстетические идеалы и вкусы людей, но и формировать их моральные качества, политические взгляды, потребности масс в русле, угодное правящему классу. Буржуазия заинтересована в том, чтобы человек был грамотным и инициативным в сфере производства, но одновременно она стремится к тому, чтобы этот же человек оказался пассивным и ограниченным вне этой сферы. Такому оглушению человека и служит «массовая культура». По прогнозам института Гудзона (США), под влиянием «массовой культуры» «многие люди будут, возможно, проводить свое время в состоянии дурмана... полностью подогнанные под условия жизни, которые будут предписаны им по вычислениям компьютеров» [см.: 10, с. 35—57].

Социалистическая культура по своей сущности противостоит стандартизированной потребительской псевдокультуре. В нашем обществе связь культуры с народом осуществляется путем воспитания у трудящихся масс высокого эстетического вкуса, повышения уровня духовного развития людей, а не путем сни-

жения критериев художественного творчества до уровня стандартов «массовой культуры».

Социалистическая культура, основанная на гуманистических идеалах, способствует повышению социальной активности личности. Трудящиеся имеют возможность не только пользоваться духовными ценностями, но и выступать активными творцами этих ценностей. Зрелый социализм обуславливает высокие темпы развития всех сфер культуры на основе всестороннего использования достижений социалистической культурной революции и преимуществ социалистического образа жизни.

В обстановке развития культурных связей между государствами особое значение приобретает ленинское положение о том, что в классовом обществе не может быть «надклассовой» культуры. Отсюда классовый подход к культурному наследству и проблеме культурных связей состоит в том, что пролетариат «берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы» [1, т. 23, с. 318].

Подлинно партийный подход к культурным связям отвергает сектантство, замкнутость, ограниченность. Интернациональное взаимодействие культур создает почву для утверждения идеалов демократической культуры, отвечающей интересам социального прогресса, гуманизма, демократии. Мы выступаем за развитие культурных связей между различными государствами, за обмен подлинными духовными ценностями на основе уважения принципа суверенитета, традиций и законов каждой страны и отвергаем называемые империалистами антигуманные суррогаты «массовой культуры».

В буржуазном обществе продолжается «упадок духовной культуры», подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС [см.: 3, с. 29]. Общество «массового потребления» с его «массовой культурой» оказалось обществом нищеты духа, низменности идеалов, бедности интересов и потребностей. Капиталистическое общество еще раз показало свою неспособность предложить «человечеству нечто большее, чем голый вещизм», пошлое потребительство.

Социализм открывает новую эпоху в развитии культуры, развитие которой характеризуется новым «качеством эстетических потребностей людей, всесторонним использованием культурных ценностей как прошлого, так и настоящего, все более широкими возможностями эстетического совершенствования личности, развития эстетических отношений во всех сферах жизни общества» [5, с. 140].

Деятели социалистической культуры «стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов коммунистической нравственности» [3, с. 79].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 3. Программа КПСС. М., Политиздат, 1971. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., Политиздат, 1970. 5. Егоров А. Проблемы эстетики. М., Политиздат, 1970. 6. Кукаркин А. П. По ту сторону расцвета. М., 1977. 7. Мишениерадзе В. Современный антикоммунизм. Тенденция к созданию наукообразных концепций. — В кн.: Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. Критический анализ. М., Политиздат, 1970. 8. Теория мирового революционного процесса. М., изд-во Моск. ун-та, 1975. 9. Критика современных буржуазных концепций в курсе научного коммунизма. М., Политиздат, 1974. 10. Научно-техническая революция и социальный прогресс. Международный симпозиум ученых и специалистов стран членов СЭВ и СФРЮ. М., Политиздат, 1974. 11. Белл Д. Массовая культура и современное общество. — Америка, 1963.

Н. Л. БАБИИ, канд. филос. наук, Е. В. КОРНИЕНКО

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКА ИСКУССТВА

Проблемы музыкального языка в настоящее время продолжают оставаться остро дискуссионными, особенно мало изученные и спорные методологические его аспекты. Ведь исследование отдельных музыкальных языков (эпохи, композитора) предполагает создание теоретической модели языка как такового, независимо от индивидуальных стилей. Такая модель могла бы стать отправным моментом в исследовании конкретных, неповторимых художественных явлений. Для решения этой задачи в наше время на основе интеграции усилий различных областей знания, взаимодействия методов гуманитарных и естественных наук открываются новые горизонты.

В работах эстетиков и искусствоведов намечилось несколько подходов к изучению музыкального языка и языка искусства вообще, среди которых можно выделить два основных: сторонники первого рассматривают язык искусства как систему средств выразительности; сторонники второго — искусство приравнивают к языку.

Эти два подхода взаимосвязаны, но не тождественны, так как при исследовании самого языка внимание акцентируется на различных сторонах его содержания и функций. Если при первом подходе внимание сосредоточивается на содержательной стороне музыкального языка, его способности отражать явления действительности, то при втором — основное ударение делается на коммуникативной функции, то есть язык рассматривается как средство общения.

Когда искусство в целом (и со стороны содержания, и со стороны формы) рассматривается как язык, то последний берется в единстве плана содержания и плана выражения. Когда же анализируется язык искусства как система выразительных средств, то внимание обращено, в основном, на его материально-выразительные уровни и закономерности сочета-

ния языковых элементов. Этот последний подход имеет прочные традиции в музыкознании и опирается на методологию марксистско-ленинской эстетики.

При изучении искусства в качестве языка исследователи неизбежно сталкиваются с новыми методами лингво-семиотического анализа. Внимание к коммуникативной ситуации, развитие теории информации, появление новой науки о знаках — семиотики — все это стало предпосылками для усиления внимания к данному аспекту. Признание семантического характера искусства вообще и музыки в частности явилось главным аргументом для проведения параллели между искусством и языком. Этой позиции придерживаются сторонники так называемой «семантической эстетики», которая отразила во многом лингвистическую ориентацию ряда направлений буржуазной философии. Особое распространение она получила в трудах Ч. Пирса, Ч. Морриса, С. Лангер и других ученых, опирающихся на идеалистические направления XX века — прагматизм, неопозитивизм, неогегельянство и другие.

Семантическая эстетика пытается решать и решает многие проблемы: формы и выражения, языка искусства, проблемы символического. Это направление неоднородно по своей структуре. В него входят специальные научные теории (эстетическая теория информации), собственно философские доктрины, использующие научные методы исследования, символические концепции. Особое место в семантической эстетике занимает изучение структуры искусства.

Главным для семантического метода исследования искусства является вопрос о соотношении искусства и языка. Впервые эта проблема была затронута польским эстетиком М. Валлисом-Вольфишем на II Конгрессе по эстетике в Париже в 1937 г. [см.: 1]. Уже сама постановка вопроса вызвала большую дискуссию, сложность которой усугубилась еще и неоднозначным пониманием термина «язык». Стремление предоставить произведение искусства как языковое образование пронизывает труды многих сторонников семантической эстетики, однако никто из них не может поставить знак равенства между искусством и языком.

Ряд зарубежных авторов горячо оспаривают вопрос о правомерности считать искусство, и, в частности, музыку, языком. Показательна точка зрения французского эстетика М. Дюфренна, по мнению которого «искусство не позволяет описывать себя как язык. Имеются виды искусства, как имеются языки. Но по сравнению с языком виды искусства являются и более замкнутыми и более открытыми: они более замкнуты, потому что не поддаются переводу, и более открыты, потому что порождают ассоциации, — прекрасное не имеет границ. Если язык представляет собой систему знаков и обозначений, ... то совокупность произведений искусства не носит системного характера» [2, с. 62].

Советский ученый Ю. М. Лотман, один из первых предложивший понимание искусства как семиотической системы, указал на ряд причин, создающих трудности для такого подхода («искусство-язык»). В искусстве обозначаемое передается всей структурой произведения, в отличие от любой семиотической системы, где текст образуют единицы, выступающие в роли знаков. Искусству вообще не свойственна однозначность в отношении знака к знаку [см.: 3]. Тем не менее, теория «искусство-язык» продолжает существовать. Ученые, которые придерживаются этой точки зрения, в своих исследованиях применяют методы таких наук, как лингвистика и семиотика.

Отмечая в произведении искусства материальный, чувственный слой (звуки, цвета, линии), лингвистика описывает его при помощи двух методов: фонетического и фонологического. При фонетическом подходе звуки рассматриваются на уровне индивидуальной речи, анализируются их нормы и акустические характеристики. Фонология же изучает структуру этих звуков, так называемые фонемы. Попыткой создания «музыкальной фонологии» стало применение к музыке структурного анализа, сущность которого состоит в определении позиции одного элемента языка по отношению к другим и целому, в выявлении взаимосвязей и взаимодействия между элементами целого.

Советский исследователь Б. Гаспаров успешно продемонстрировал этот метод при анализе сочинений венских классиков, однако подчеркнул, что при этом подходе «музыкальный язык освобождается от того реального контекста, в котором протекает музыкальная деятельность людей. Правила музыкального языка отражают здесь лишь закономерности построения некоторых текстов, признаваемых нами реализацией этого языка, «речью» на этом языке» [4, с. 133].

Подобный метод позволяет создать модель музыкального языка, которая в целом мыслится как иерархия уровней, описываемых с помощью структурного анализа. Каждый уровень представляет собой систему закономерностей, устойчивых связей между его элементами.

Лингвистический метод обеспечивает изучение лишь одной из сторон музыкального языка — структурной. Существенным его недостатком является то, что он не учитывает исторического развития музыкального языка, его эволюции. И так как этот подход не отражает полностью специфики искусства, то может быть использован только в качестве составной части целостного анализа.

Органическим продолжением лингвистического подхода явилось применение метода новой науки о знаковых системах — семиотики. При семиотическом анализе музыкальный язык рассматривается как «высокоразвитая знаковая система, способная функционировать в общественном сознании в качестве коммуникативного средства» [5, с. 17]. Этот метод предполагает

изучение характера, структуры и отношений знаков и значений в музыкальном языке. В музыкознании еще нет четкого ответа на вопрос: что же является знаком в музыке? Со знаком сопоставляют либо художественное произведение как целое (но тогда нет системы, ибо совокупность произведений ее не образует), либо отдельное средство, прием. В «Философской энциклопедии» знак определяется как «материальный чувственно-воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого предмета или предметов, свойств и отношений предметов и используемый для приобретения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода» [6, с. 177].

Приверженцы семиотической теории музыкального языка делают акцент на том, что музыка, ее выразительные средства несут в себе, как и знаки, информацию об окружающем нас мире (хотя часто и субъективно окрашенную), отражают явления действительности. Музыкальное произведение функционирует только при наличии слушателя, то есть воспринимающего субъекта, иначе говоря — в знаковой ситуации. Однако определения музыкального языка, предлагаемые В. Медушевским, С. Раппопортом, С. Махлиной [см.: 8; 5; 7] и другими авторами недостаточно четки по сравнению с философским его определением. Все авторы указывают на расплывчатость формы и вариантность значений музыкального языка. Так, например, С. Раппопорт, предлагая рассматривать всю музыкальную ткань как знаковую систему, вводит понятия осведомляющих, неосведомляющих, художественных и других знаков, которые имеют не предметное, а функциональное значение, меняющееся в различных знаковых ситуациях. Однако одним из важнейших свойств знака является именно постоянство его значения. Так имеет ли смысл называть эти интонационные комплексы знаками, если они не имеют этого постоянства?

И все же, существуют ли знаки в музыкальном языке?

Некоторые гармонические, ритмические, мелодические обороты, выдержавшие смены стилей и сохранившие свою семантику, приобрели в музыке символический характер. Их можно считать знаками, потому что они опосредованно свидетельствуют о явлениях действительности. Чаще всего такие знаки выступают как олицетворение человеческих мыслей и идей. Примерами таких знаков может служить тема средневековой секвенции «Dies irae», или «тема судьбы» из V Симфонии Л. Бетховена.

Еще один тип знаков, в отличие от остальных, имеет не просто условный, а, скорее, условно-безусловный характер. Некоторые интонационные обороты, берущие начало в человеческой речи, также сохранили на протяжении многих лет свою семантику. Они отсылают слушателя к определенному кругу

человеческих эмоций (малая секунда — как интонация вдоха, стона). Однако в функции знаков эти интонации выступают лишь тогда, когда их значение остается неизменным, в определенных знаковых ситуациях. Они составляют основу общественного «интонационного словаря», который находится в распоряжении композитора и функционирует в сознании слушателя. В отличие от других типов знаков они не нуждаются в «переводе», так как объективно связаны со своими детонатами.

Таким образом, в музыкальной ткани произведения знаки составляют не правило, а исключение, и многообразные процессы развития искусства никак не сводятся даже к самой высококоразвитой знаковой системе.

Понимание музыки как языка акцентирует ее способность служить средством общения людей. Но, сравнивая музыку с языком, применяя лингво-семиотический анализ, важно не исказить специфику искусства, его важнейших функций, его отражательную способность. Искусство нельзя свести к языку. Ведь кроме семантической и коммуникативной функций, оно имеет много других, потому что искусство — это явление культуры и идеологии, специфическая сфера реализации нравственно-эстетических ценностей общества.

Рассмотрение же языка как системы средств выразительности представляется нам методологически более верным. Как уже говорилось, этот подход имеет прочные традиции, связанные с борьбой против формалистического анализа языка, ограничивающегося рассмотрением внешних свойств художественных средств.

В последнее время все чаще стремятся обозначить музыкальный язык не как совокупность, а как систему выразительных средств. О системности музыкального языка говорит сама практика музыкального мышления. Ни одно из средств выразительности не воспринимается нами в отдельности, а только как целостная интонация, в которой эти средства неразделимы. Б. Асафьев убедительно доказал, что именно интонация является носителем музыкально-смысловых качеств в произведении, а через интонацию осуществляются все семантические процессы в музыкальном языке [см.: 9].

Систему музыкального языка можно представить себе в виде двух уровней: уровня выразительных средств и уровня интонаций. На уровне выразительных средств осуществляется переход материала (звуков) в средства (аккорд, лад). Однако средства сами по себе обладают лишь потенциальной выразительностью и наполняются художественным содержанием лишь на следующем уровне, где они объединяются в целостные структуры — интонации. Музыкальный язык функционирует именно на интонационном уровне, это его последняя фраза перед переходом в художественную форму. Музыкальный язык есть основание художественной формы, это арсенал воз-

возможностей, предоставляемых композитору и индивидуально реализуемых в каждом новом сочинении.

Итак, музыкальный язык — это исторически и закономерно сложившаяся система интонаций, объединяющая в себе наиболее общие явления музыкальной формы и выполняющая отражательную, семантическую, коммуникативную и формообразующую функции.

Список литературы: 1. *Басин Е.* Искусство и язык. — В кн.: Искусство и общество. Сб. статей. М., Наука, 1972. 2. *Долгов К.* Эстетика М. Дюфрена. — В кн.: Теории, школы, концепции. Художественное произведение и личность. Сб. статей. М., Наука, 1975. 3. *Лотман Ю.* Структура художественного текста. М., Искусство, 1970. 4. *Гаспаров Б.* О некоторых принципах структурного анализа музыки. — В кн.: Проблемы музыкального мышления. Сб. статей, М., Музыка, 1974. 5. *Раппопорт С.* Семиотика и язык искусства. — В кн.: Музыкальное искусство и наука. Сб. статей. Вып. 2. М., Музыка, 1973. 6. *Философская энциклопедия.* М., Сов. энциклопедия, 1962. 7. *Махлина С.* К вопросу об условном и безусловном в музыке. — В кн.: Музыка в социалистическом обществе. Сб. статей. Л., Музыка, 1969. 8. *Медушевский В.* О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М., Музыка, 1976. 9. *Астафьев Б.* Музыкальная форма как процесс. Л., Музыка, 1971.

ОПЕЧАТКИ

С.	Строка	Напечатано	Должно быть
28	1 сверху	канд. техн. наук	канд. филос. наук
64	5 снизу	Механическая наглядность,	Механистическая на- глядность,
68	14 сверху	позволяют со- образить	позволяют отобразить
69	8 снизу	соответствует как связь,	существуют как связь,